

"И грустно, и смешно, но это наша жизнь..."

Тьмутараканские Ведомости

"Потрясающее, захватывающее повествование! Все герои прописаны ярко, колоритно. Однако, образ главной героини первой книги выписан однобоко. Отмечены ум, доброта, производительность - 12 литров молока в сутки, а о достоинствах её внешности ни полслова! Можно подумать, что там и гордиться нечем. А глаза? А фигура? Рога, наконец!!!"

Из интервью прототипа главной героини

"Зачот! Аффтар, дафай истчо!!!"

Интернет-сообщество Чудаков tmutarakansk.ru

"После прочтения книги проснулась ностальгия, решили активно продвигать Тьмутараканский менталитет в Американское общество. Выдвинули лозунг:

"Превратим New York в New Tmutarakansk к 2030 году!"

Община Тьмутараканцев в Америке

"Это просто ***** какой-то! Автор совсем *****!!!
***** его в **** за такие произведения!"

Администрация города Тьмутараканска

"Благодаря бестселлеру "Чудаки", существенно возрос поток иностранных туристов в нашу страну. Решением совета старейшин В.Х. Нариманову присуждена государственная премия и звание почётного гражданина Страны Обезьян. Это обстоятельство позволяет В.Х. Нариманову в удобное для него время посетить нашу страну, где ему будут оказаны царские почести. Вышеуказанная премия будет выплачена отборными бананами."

Царица Страны Обезьян

ISBN 978-5-9902074-1-7

9 785990 207417

ЧУДАКИ

Валерий Нариманов

В.Х. Нариманов

Чудаки

ВНИМАНИЕ!

Здесь только 1 повесть
из 5, опубликованных в книге.

Книга полностью на сайте
www.tmutarakansk.ru
и в книжных магазинах.

УДК 82-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7
Н28

*Обложка, иллюстрации, оформление:
Марат Нариманов*

Нариманов, В.Х.

Н28 Чудаки / Валерий Нариманов. - Москва: Нариманов
Валерий Хакимович, 2010. -352 с.
ISBN 978-5-9902074-1-7

Нариманов В.Х. – известный тьмутараканский писатель. Он бытоописатель и, можно сказать, певец жизни любимого им Тьмутараканска.

Герои его книги «ЧУДАКИ» – простые, но яркие личности: бандиты, политики, учителя, бомжи, мэры, коровы, обезьяны и бизнесмены. Поступки их часто не поддаются логическому объяснению. Они сами, порой, не знают, куда их завтра выведет кривая. Живут эти герои в сложных, нередко – тяжких условиях. Но при этом, сохраняют доброту, алчность, природный ум, непроходимую тупость и прочие, присущие им качества.

УДК 82-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

ISBN 978-5-9902074-1-7 © В.Х. Нариманов, текст, 2010.
© М.В. Нариманов, обложка, иллюстрации, оформление, 2010.

ПРОЛОГ

СТРАНА ЧУДЕС

В одной стране было полно всяких чудес. И жили в ней чудаки.

С утра до вечера суетились. Кто-то разгонял облака, чтобы солнца было больше, огурцы толще росли. Кто-то указывал пальцем, в какую сторону идти, что делать. Кто-то рассуждал обо всем, что было и чего не было... Все были, вроде, при деле.

Одно было плохо. У соседей за бугром огурцы были толще и телеги красивше.

Больше всего недовольны были этим обстоятельством рассуждающие.

— Плохо у нас. Все очень плохо, — рассуждали они. — Облака плохо разгоняют. Огурцы — тонкие. Телеги — кривобокие... Виноваты во всем те, кто неправильно указывает пальцем. Не туда они указывают!.. Давайте мы их прогоним и спросим соседей, как нам жить.

Обо всем этом рассуждающие так громко кричали, что чудной народ стал задумываться.

— А и вправду, не спросить ли нам умных соседей? Может, присоветуют, что нам делать? Научат нас жить?

Тем более, что огурцы, действительно, были жидковаты и телеги, малость, кривобокие.

Некоторые из указующих, тоже стали сомневаться.

— А туда ли мы показываем пальцем?

Получился у них разлад... Кому все равно, в какую сторону тыкать пальцем, перекинулись к крикунам и стали кричать громче всех.

После некоторой шумихи, тех, кто не захотел повернуть палец, или не сообразил, куда лучше им тыкать, прогнали. На их место залезли крикуны и сообразительные.

И стали указывать пальцем, куда теперь идти и как устроить страну на новый лад по соседскому рецепту.

Рецепт был гениально прост:

ВСЕ, ЧТО ИМЕЕТЕ, ОТДАЙТЕ ДЯДЕ. А УЖ ДЯДЯ О ВАС ПОЗАБОТИТСЯ.

Так и сделали. От имени народа, приняли решение раздать дядям то, что этот народ имел.

Ответственную функцию дядей, новые указующие возложили на себя, своих родных, близких, потому что знали — справятся. И еще подсустились ушлые.

Сила ушлых была в их любви. Но любили они не всех подряд, а преимущественно, указующих пальцем. К которым ушлые старались быть ближе. Окружали указующего и его домочадцев вниманием и заботой, делали всякие любезности. Так что, вскоре, окруженный начинал думать:

— Какие, все же, приятные, эти ушлые. Надо будет им тоже сделать что-нибудь приятное...

Особенно ушлые полюбили нового Главного указующего пальцем. И он тоже полюбил их. Главный указующий был из прежних и плохо знал, куда ему теперь пальцем тыкать. Ушлые сильно помогли в этом. Они подсказывали Главному, куда надо правильно показывать пальцем... За это он сделал ушлых своими помощниками и поручил им трудное дело — раздать то, что было в стране, разным дядям.

— Уж, ушлые сделают все, как надо.

Да и соседи советовали поручить это дело ушлым. И даже прислали своих советников, чтобы подсказали, как лучше раздать.

Получилось все, как нельзя лучше. По справедливости.

Каждый чужак, хоть что-нибудь, хоть бумажку, но получил...

Само-собой, и ушлым что-то досталось. На раздаче не в последних рядах были. По-дружески кивали, по-свойски подмигивали раздающим. И подставляли, подставляли руки. Чтобы принять тяжкую ношу. При этом проявляли чудеса выносливости. Выносили и выносили...

А потом началась в стране чужаков новая жизнь.

От соседей навезли красивых телег, толстых огурцов, и прочее, прочее... Всего такого, что раньше чужаки в глаза не видели.

В магазинах — все, что хочешь. По телевизору — того больше. Такое показывают, что раньше видели избранные, на кухне, когда дети спят... А тут — пожалуйста. Смотри — не хочу.

Одним словом, жизнь пошла обалденная.

Обалдели все.

И те — кому досталось, обалдели. Хапнули о-го-го. А рот — один. И запихать в него все не представляется возможным... А руки гребут и гребут... Хотя, порой, страшновато становится. Не свое, все же... От этого страху побежали прятать, что загребли, к соседям. Те рады помочь. Открыли сундуки бездонные.

— Кладите, ребята. Ни одна копейка не выскочит... Еще, еще тащите...

И те — кому, кроме клочка бумажки, ничего не досталось, тоже обалдели. Рот есть, а положить в него — нечего. Хотя, вокруг — всего полно...

Спасибо, по телевизору показывают — что едят другие и на каких телегах катаются.

— Вот, как мы будем жить. Когда-нибудь, — глотают слюни чужаки.

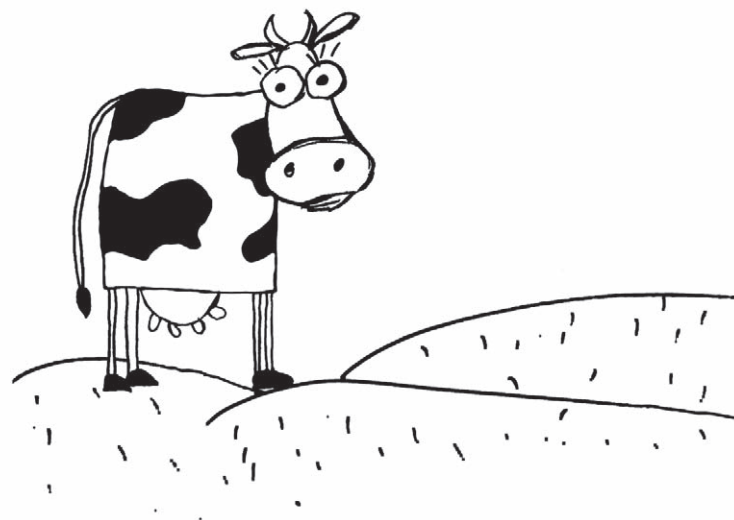
И ждут.

Потому что теперь у всех — равные возможности.

Теперь каждый. Абсолютно каждый имеет свой шанс заполучить все. И даже больше... Если сумеет левой ногой почесать за правым ухом... Тогда на него прольется золотой дождь, и будет ему счастье без края и границ...

Книга первая
Дети Коровы

ЛОХ

Середина девяностых годов. Небольшой городок на северном Кавказе. Ахмет — мужчина лет двадцати семи — тридцати, кавказец, встает утром, в майке, трусах идет умываться, готовит себе завтрак, завтракает. Потом идет в магазин, где подрабатывает грузчиком. Разгружает машину, выполняет другую работу. Вечером домой. Ужин, телевизор. Ложится спать. На следующее утро все то же самое... Днем, когда Ахмет разгружал очередную машину подошел Саид — старый знакомый со школьных времен. Особой дружбы между ними никогда не было, но когда-то были в одной компании, даже дома друг у друга бывали. Правда, было это очень давно, еще в детстве... Поздоровались.

— Давно что-то тебя не было видно, — заметил Ахмет.

— Я в Москве. Торгую.

— Ну и как? Идет торговля?

— Ничего. Жить можно... Ты сам как? На заводе больше не работаешь?

— Закрылся он. Теперь вот здесь. Подрабатываю. Другой работы, сам знаешь, в городе нет... Извини, мне закончить надо. Если не торопишься, подожди меня там, на лавочке. Минут через пятнадцать освобожусь, поговорим.

— Ладно, работай. Я пока перекурю.

Саид отошел, сел на лавочку, закурил. Ахмет продолжил работу. Разгрузив машину, подошел к Саиду, сел рядом.

— Ты так же, с матерью живешь? — поинтересовался Саид.

— Нет. Один. Похоронил я мать. Полтора года назад.

— Извини, я не знал.

— Ничего. Я уже привык. Твои как?

— Слава богу, живы. Скрипят потихоньку... Давно в магазине?

— Давно.
 — Платят нормально?
 — Еле концы с концами свожу, — поморщился Ахмет. — А что делать? Хорошо, что, хоть, это есть.
 — Своим делом надо заниматься.
 — Деньги для этого надо... Да и не знаю я, если честно, чем заниматься.
 — Чем заниматься?.. Торговать, — уверенно сказал Саид. — Я последнее время у одного азербайджанца работал. Мотались мы с ним в Турцию. Там закупали товар, переправляли его в Москву. В Москве у него несколько точек на рынках. Иногда часть товара оптом другим скидывал. Тоже выгодно. Правда, навар меньше, но зато быстро. Скинул и можно снова в Турцию. Некоторые так и делают. Я вот тоже думаю сам этим заняться. Что брать, где брать, по какой цене, все это я знаю. Не раз был в Турции. В Москве тоже все знаю. И на рынках сам торговал, и людей знаю, кому можно оптом сдать, если быстро надо... Все знаю. Напарник мне нужен. Одному тяжело, да и денег маловато. А если с напарником, штуки по две скинуться, хорошо раскрутиться можно... У тебя нет никого знакомых, с кем можно было бы договориться? Но, чтоб надежный человек был. Чтоб можно было, как на себя положиться.
 — Даже не знаю, что тебе сказать, — после некоторого раздумья, ответил Ахмет.
 — Может, ты сам? Это было бы лучше. Тебя я знаю.
 — Денег нет.
 — Займи у кого-нибудь. Две штуки — не так много.
 — А штука это что? — не понял Ахмет.
 — Штука? Тысяча это. Штука баксов — тысяча долларов.
 — Не-ет. Что ты. Кто такие деньги даст? Да у меня и знакомых нет, у кого такие деньги.
 — Жалко... А дело хорошее.
 — Конечно, хорошее. Но... — развел руками Ахмет.
 Помолчали.

— Слушай. А может, тебе под залог квартиры взять? — осенило Саида. — Есть люди, дают деньги под залог. Я знаю таких людей. Можно договориться.
 — Не знаю. Я никогда об этом не думал.
 — Подумай. Можно взять на месяц. Если все нормально, еще продлить. Месяца через два-три, самый тяжелый случай — через полгода, рассчитаешься. И дальше на своих деньгах работать будешь.
 Подумай. Я к тебе потом зайду. Ты здесь каждый день?
 — Эту неделю каждый день. Приходи лучше в обед. Или, если хочешь, вечером, часов в десять, домой.
 — Договорились... Ну, пока... Я пойду. Дела.

Ахмет с Саидом в каком-то помещении. Ахмет подписывает бумаги. Ему отсчитывают доллары. Он кладет деньги в карман пиджака, и вместе с Саидом выходит на улицу. Ахмет испытывает чувство тревоги, Саид весел.

— Ну вот, баксы в кармане. — Саид довольно потер руки. — Завтра и отчалим. Из вещей возьми две — три смены белья, пару рубашек, куртку, мелочевку всякую: бритву, мыло... в общем, знаешь. Еды дня на четыре — пять. Колбасу сухую, консервы. Яйца, картошку вареную можешь взять, но только дня на два. Испортятся. Я к тебе завтра зайду утром, часов в девять. Посмотрим, что ты взял и — на станцию... Да-а, чемодан не бери, лучше сумку или рюкзак. Удобней. Деньги положи в куртку. Парой булавок застегни, на всякий случай. На билеты и мелкие расходы — в карман брюк отложи... Ладно, до завтра.

На улице перед станцией, на лавочке сидят Ахмет с Саидом и посторонняя женщина.

— Где здесь туалет, не знаешь? — спросил приятеля Ахмет.
 — Где-то в здании. Не помню. Спроси там у кого-нибудь.
 Ахмет встает, с курткой в руках направляется к зданию станции.

— Ахмет, куртку оставь.

Ахмет отдал куртку Саиду, пошел в здание станции.

Саид дождался, пока Ахмет не скрылся внутри, взял свою сумку, обратился к соседке:

— Присмотрите, пожалуйста, за сумкой, — показал на сумку Ахмета. — Я отойду ненадолго.

С сумкой и курткой Ахмета Саид подошел к стоящей неподалеку машине, переговорил с водителем, сел в машину и уехал. Через некоторое время вернулся Ахмет. Возле лавки только его сумка. Саида нет.

— Вы, случайно, не знаете, куда ушел мужчина, который сидел здесь со мной? — спросил Ахмет, сидевшую рядом женщину.

— Уехал, — ответила соседка. — Попросил меня присмотреть за сумкой, сказал, что ненадолго отойдет и уехал на машине.

Ахмет, в недоумении, сел на лавку, стал ждать. Час, другой, третий. Соседка давно уже ушла. Другие люди сели, уходили, а он все сидел, ждал. Ночью стало прохладно. Без куртки Ахмет озяб. Походил, размялся, чтоб, хоть, как-то согреться. Уже без всякой надежды, Ахмет прождал еще полдня. Затем, взял сумку, ушел.

Войдя в свою квартиру, Ахмет бросил на пол сумку, сел к столу, обхватив голову руками. Впервые он ощутил настоящий страх.

Сидеть одному было невыносимо. Ахмет пошел к Исмаилу — приятелю, с которым когда-то работал в одном цехе. Исмаил строгал доски в сарае. Поздоровались, присели на лавочку возле дома. Исмаил закурил, молча выслушал Ахмета.

— Эх, Ахмет. Какие могут быть дела с Саидом? Он же наркоман. Его домой не пускают. Все тащит. Здесь появляется раз в год, или даже реже. Где он остальное время, никто не знает. Говорит, что в Москве... Кто его знает. Может, врет, а, может, правда.

Долгая, тяжелая пауза. Ахмет смотрит в землю.

— Что делать, Исмаил?

— Даже не знаю... Деньги очень большие. У наших, не то что занять, просто нет таких денег ни у кого. Сам знаешь... Где еще можно достать, представления не имею.

Помолчали.

— Почему он так со мной поступил? Что я ему сделал?

— Наркоман... Наркоман — не человек. Родную мать ограбит.

У Исмаила перед сараем сгружают вещи из квартиры Ахмета. Машина уезжает. Ахмет с Исмаилом кое-что занесли в сарай, крупные вещи сложили у стенки, кое-как прикрыли кусками рубероида, картона от коробок. Ахмет берет заранее приготовленный рюкзак.

— Значит, к бабке теперь? — спросил Исмаил.

— Да. Поживу у нее.

— С вещами что делать?

— Пусть постоят немного. Если через месяц не вернусь, попробуй продать что-нибудь или так можешь отдать кому-то. Мешать будут — выбрось. Короче, делай с ними, что хочешь.

— Напиши мне, как ты...

— Хорошо.

— Ну, давай, Ахмет. — Обнялись. — Счастливо тебе...

Небольшое горное село. Ахмет подходит к бабкиному дому. Во дворе мужчина. Ахмет окликает его:

— Здравствуй Анвар.

Мужчина оглянулся.

— Ахмет! Что так поздно?

— Почему поздно?

— Ты что, не знаешь?.. Мы тебе телеграмму посылали... Умерла бабушка. Две недели, как похоронили.

— Не получал я ничего... Может, без меня приносили. Не всегда был дома.

На кухне за столом Анвар с Ахметом. На столе бутылка, стаканы, закуска.

— Мы все подумали... — Анвар смотрит в стол, крутит в руке вилку. — Дом тебе все равно не нужен. Ты в городе живешь. У тебя своя квартира. А нам с родителями, сам знаешь... Надо отдельно жить. Да и тесно... Так что, перебрались мы сюда... Тебе решили корову отдать. Больше ничего нет.

— Зачем она мне?

— Продашь. Все деньги... У нас здесь, конечно, никто не купит. Денег нет. А вот если в район отвести, продать можно.

На следующий день, с рюкзаком за спиной и коровой на поводу, Ахмет покидал двор. Провожало его все семейство Анвара. Он сам, жена и трое детей. Какое-то время смотрели ему вслед, затем разошлись по своим делам.

Ахмет с коровой идет вдоль дороги. Временами дает корове попасть, сам отдыхает. В райцентр пришел уже в сумерках. Заночевать решил на речке, что протекала возле поселка. Поужинал остатками еды, которую ему дали на дорогу, развязал рюкзак, достал суковое одеяло, телогрейку и устроился на ночлег возле лежащей коровы. От жующей свою жвачку коровы веяло теплом и спокойствием. Уставший с дороги, Ахмет, вскоре, заснул.

Утром Ахмет пошел в поселок продавать корову. Он подходил к домам, спрашивал хозяев, не знают ли они, кто мог бы купить корову. Спрашивал женщин на улице. Однако, ничего путного так и не узнал. Тогда он решил пойти на рынок. Спросил, где находится рынок и пришел туда с коровой на поводу. На рынке он подошел к одной из торгующих женщин.

— Мне корову надо продать. Не посоветуете, как это сделать?

— А что тут советовать. Становись где-нибудь и торгуй. Может, кто и заинтересуется.

Ахмет с коровой встал в конце ряда. На него с любопытством поглядывали. Но никто коровой не поинтересовался. Вскоре, ближе к полудню, покупатели разошлись и торговцы стали собирать свой товар. Ахмет с коровой пошел с рынка. Зашел в магазин, купил хлеба. На улице спросил, у кого есть корова и пошел к указанному дому. В огороде он увидел женщину.

— Женщина. Можно Вас на минуту. — Женщина подошла. — Мне сказали у Вас есть корова. Не могли бы Вы подоить мою корову. Доить надо. А я не умею.

— Зачем таскаешь ее с собой?

— Продать хочу. Но пока не получается. Может, посоветуете что?

Женщина задумалась.

— Даже не знаю, что сказать... Нет. Не знаю. Подоить могу попробовать, а что другое — не знаю. Заходи во двор. Если корова не откажет, подую.

— Ее со вчерашнего дня не доили. Наверное, уже сама хочет.

— Посмотрим.

Женщина пошла в дом, Ахмет завел корову во двор. Женщина вышла с ведром и скамейкой. Показала Ахмету, куда ставить корову, под села возле нее, помыла из ведерка ей вымя. Былила остатки воды и стала в это же ведро доить. Ахмет внимательно за всем наблюдал. Женщина это заметила.

— Научиться хочешь?

— Да. Когда продам — не знаю, а каждый раз просить не хочется.

— Иди к рукомойнику, сполосни руки. Потом приходи. — Ахмет пошел, сполоснул руки. Женщина уступила ему место. — Попробуй. — Ахмет попробовал. Корове не понравилось. Она попыталась уйти, ее остановили. — Сначала так бывает. — Успокоила Ахмета женщина. — Корова

привыкнуть должна. С ней ласково надо. Разговаривать. Давай, попробуй еще. — Ахмет попробовал. — Пальцы крепче сжимай, — учила женщина. — Не бойся... Нет. Не хочет она тебе давать молоко... Ладно. Я сейчас подою, а утром завтра ты сам снова попробуешь. — Женщина подоила корову. — Куда тебе молоко?

— Некуда мне. Если можно, отлейте немного в банку, — попросил Ахмет. — Остальное себе оставьте. Мне не нужно.

Женщина пошла в дом, принесла литровую банку с полиэтиленовой крышкой. Налила туда молока, закрыла крышкой, протянула Ахмету:

— Хватит?

— Да. Спасибо.

Ахмет закинул рюкзак на плечо, взял банку. Еще раз поблагодарил женщину и пошел с коровой со двора.

Вернулся к речке, пустил корову пастись, сам поел молока с хлебом. От нечего делать развел костерок. Вечером, когда стемнело, привел корову, привязал к деревцу. Какое-то время еще посидел возле костра. Потом достал из рюкзака телогрейку, одеяло, загасил костер и примостился под боком у коровы.

— Женщина сказала разговаривать с тобой надо, Мануш. Ласково. Я не против. И ласково могу, почему нет. Ты добрая, хорошая корова. Может, ты обижаешься, что я продаю тебя? У меня другого выхода нет. Жить негде. Где я тебя держать буду? И вообще, я плохой хозяин. Доить не умею. Сена у меня нет. Лучше, если я найду тебе других хозяев. Ты уж потерпи немного. Договорились? Тогда давай спать.

Проснулся Ахмет, когда солнце уже взошло. Корову отпустил пастись. Побрился механической бритвой, умылся, позавтракал остатками молока с хлебом. Затем привел корову, привязал ее к деревцу. Пошел, набрал в банку воды.

— Сейчас я попробую тебя подоить, Мануш.

Присел, сполоснул, как мог, вымя и попытался доить прямо на землю. Ничего не получилось.

— Не хочешь? Почему? Может, на землю молоко лить не хочешь? Так у меня ведра нет. Я поучиться просто хочу. Давай немного. А? Ну хоть чуть-чуть. Тебе же хуже. Будешь зря таскать с собой молоко... Ладно. Не хочешь — твое дело. Будем собираться на рынок.

На рынке Ахмет снова встал в конце овощного ряда.

— Молоко продавать будешь? — поинтересовалась соседка.

— Нет. Корову.

— Тогда тебе надо куда-то в другое место встать. Здесь, среди зелени, никто не поймет, что ты корову продаешь.

— А куда мне встать?

— Не знаю. Может быть, вон туда, — показала соседка. — Возле машины.

Ахмет пошел, встал на указанное место. Мужчины, стоявшие рядом с грузовиком, с любопытством поглядывали на него.

— Продаешь, что ли, корову? — спросил один мужчина.

— Продаю.

— Так ты напиши на бумажке или картонке. И повесь на нее. А то не понятно.

Ахмет поискал, нашел коробку, оторвал картонку. Нашел среди мусора кусок бумажного шпагата. Попросил у мужчин авторучку, написал на картонке: *«Продается корова»*. Проткнул в уголках дырочки, продел шпагат, завязал концы и повесил на корову.

— Вот. Другое дело, — одобрил мужчина. — Как корову звать?

— Мануш.

— Напиши. Напиши сколько лет, сколько молока дает.

Ахмет написал: *«зовут Мануш, 7 лет, дает 12 литров молока»*.

— Скорость еще укажи, — посоветовал другой.

- Какую скорость?
- Передвижения.
- Ходит, что-ли? — не понял Ахмет.
- Конечно. Ходит или бегают.
- Зачем?
- Для транспортного средства положено.

Присутствующие засмеялись. Ахмет обиженно от-
вернулся...

Покупатели сновали среди овощных рядов, к Ахмету никто не подходил.

— Ты возвращайся в ряды, — посоветовал ему первый мужчина. — Сюда никто не придет. А там твою табличку увидят, прочитают.

Ахмет уже сам понимал, что ему надо идти ближе к покупателям. Поэтому вернулся с коровой к овощным рядам. Женщины с любопытством смотрели на Ахмета и корову. Читали табличку. Несколько человек даже спросили цену. Когда рынок стал сворачиваться, соседка посоветовала Ахмету:

— Завтра на это же место вставай. Люди узнали, что ты продаешь корову. Знакомым расскажут. Еще кто-то придет, посмотрит. Может и найдется, кому корова нужна.

По пути с рынка Ахмет зашел в магазин, купил хлеба, соли и ведро. Вернулся на облюбованное место на речке. Недалеко двое ребяташек ловили рыбу. Ахмет пустил корову пастись, попил воды, поел хлеба. Потом направился к ребятам.

— Как рыбалка? — спросил детей.

Ребята показали улов — десятка полтора маленьких рыбешек.

— Нормально, — одобрил Ахмет. — Даже уху сварить можно.

- Мы это для кошки, — ответил один из мальчиков.
- Кошка столько не съест.
- Остальное выбросим, — махнул рукой второй мальчик.

- Зачем выбрасывать? Подарите лучше мне, я уху сварю.
- Забирайте, хоть все. Мы еще наловим.
- Спасибо, ребята, — поблагодарил Ахмет. — Я вас молоком попробую вечером угостить, если корова не откажет. Ребята отказались.
- У нас дома молока хватает.

Ахмет с рыбешкой пошел разжигать костер, варить уху. Ребята еще немного половили рыбу, потом убежали. Ахмет почистил рыбешку, выпотрошил, отрезал головы, сполоснул и бросил тушки в ведро. Налил немного воды в ведро, посолил. Выломал две рогулины, воткнул в землю по краям костра, и на палке повесил над огнем ведро. Скоро уха была готова. Уха не уха, но какой-то супчик из рыбы получился. Ахмет остудил ведро в речке, и с удовольствием поел с хлебом.

— Неплохо. Надо будет купить удочку.

Помыл с мылом ведро и прилег отдохнуть. Вечером он согрел воды, сполоснул корове вымя и с ведром подсел доить.

— Я тебя очень прошу Мануш. Не сопротивляйся. У тебя же столько молока. Целый день не доил. Заболеть можешь. Очень прошу...

После нескольких движений в ведро капнуло молоко.

— Молодец, Мануш. Ну, давай еще немного. Давай.

Струйки молока робко ударили в ведро. И потихоньку дело пошло. Ахмет несколько раз отдыхал. С непривычки, уставали пальцы. Но, главное, дело двигалось. Все, накопившееся, молоко ему, конечно, выдоить не удалось, но и тому, что надоил, Ахмет был очень рад.

— Спасибо, Мануш. Я верил, что ты не откажешь. Ты же добрая.

Он попил парного молока, налил в стеклянную банку, и все равно в ведре еще оставалось довольно много молока. Вылить его рука не поднималась. Было еще светло.

— Давай, попробуем его продать.

Ахмет быстро собрался, и они с Мануш направились в поселок. В поселке он подходил к домам и предлагал

молоко. Просил он дешевле, чем на рынке, поэтому продал быстро. Уже в сумерках они вернулись на речку. Ахмет был доволен. Вырученные деньги были приятным пополнением для его тощего кошелька.

— Завтра, Мануш, купим удочку и котелок. В ведре все же неудобно варить уху. Еще картошки, морковки, луку немного и такую уху сварить можно будет... Эх, Мануш. Было бы всегда лето, может, и не стал бы я тебя продавать. Купили бы палатку и жили бы потихоньку. В одном месте надоест, можно в другое пойти...

Утром Ахмет уже более уверенно подоил корову. Позавтракал и собрался в поселок. По пути на рынок продал остатки молока. Корову в этот день он продать не смог. Тем не менее, с рынка уходил в хорошем настроении. На рынке купил немного картошки, моркови, лука. Зашел в магазин, купил хлеб. В другом магазине купил котелок и удочку без удилища. На речке, как обычно, пустил корову пастись, соорудил удочку, наковырял немного червей и принялся рыбачить. Мелкота клевала хорошо и, вскоре, он наловил на уху.

Уха получилась отменная. После отдыха Ахмет подоил Мануш и поспешил продать молоко. Вернулся, поужинал и пристроился возле Мануш на ночлег.

— Вот еще один день прошел, Мануш. В суете, но не плохо. Молоко два раза продали. Котелок, удочку купили. На рынке, правда, бесполезно торчали, но, с другой стороны, это даже хорошо. Если бы я тебя продал, что бы я сейчас делал? Поговорить даже не с кем. Привык я уже к тебе. Что буду делать без тебя, не знаю... Но выхода тоже нет. Где я тебя зимой буду держать?.. И кормить нечем... Нет, продавать надо. Не хочется, а надо... Другой хозяин тебе нужен. У которого все есть. А у меня ничего нет. Так что, завтра снова пойдем на рынок.

На следующий день, когда Ахмет продавал молоко, старик-покупатель спросил его:

— Говорят, ты с коровой на речке ночуешь?

— Да. Ночую.

— Нельзя этого делать. Убить могут. Ни тебя, ни твоей коровы потом никто не найдет. Сейчас время такое.

На рынке к Ахмету подошли мужчина и женщина.

— Про эту корову я говорила, — сказала женщина, обращаясь к спутнику. — Посмотри. По-моему, то, что надо. И недорого.

Мужчина осмотрел корову.

— Подумать надо.

Поздно вечером, после продажи молока, Ахмет не пошел на привычное место. Костер разжигать не стал, укладывался рядом с Мануш в темноте.

— Старик прав, Мануш. Надо быть осторожней. На одном и том же месте, да еще с костром, легко найти ночью. А нам с тобой это совсем не нужно. — Ахмет помолчал, вздохнул. — Может купят тебя завтра те двое... И уведут... Останусь я совсем один... Не ходить, что ли, на рынок?.. А что делать?.. Нет, идти надо. Надо... — Тяжело вздохнул. — Ладно, будь, что будет.

Днем на рынке к Ахмету вновь подошли вчерашние покупатели: мужчина и женщина. Осмотрели еще раз корову.

— Немного сбросишь? — спросил мужчина.

— Я недорого продаю, — возразил Ахмет.

— Да. В общем-то, недорого, — согласился мужчина. — Ладно. Давай.

Достал деньги, отсчитал, отдал Ахмету. Ахмет зажал повод подмышкой, пересчитал деньги.

— Все правильно? — спросил мужчина.

Ахмет кивнул, передал ему повод. Женщина сорвала с коровы табличку и они, с коровой на поводу, пошли с рынка.

— Ну вот и продал, — похвалила соседка.

— Да. Провод, — неохотно ответил Ахмет. Зубы его были сжаты, лицо побледнело.

— Вид у тебя... — заметила соседка. — Жалко корову?

Ахмет не ответил. Закинул на плечо рюкзак, взял ведро в руку. Посмотрел вслед Мануш. Чувство невосполнимой потери охватило его. Чтобы заглушить это чувство и растущую тревогу, Ахмет быстро зашагал в противоположном направлении. Уже выйдя с рынка, он внезапно повернул обратно и кинулся бежать через рынок, вслед за Мануш и ее новыми хозяевами. Догнал он их на улице за рынком. Запыхавшийся, с бледным лицом, схватил повод.

— Не продаю я корову!

Мужчина и женщина оторопели. Ахмет бросил ведро, достал из кармана деньги, протянул.

— Вот. Возьмите деньги. Не продаю я корову.

— Как не продаешь?! — опомнился мужчина.

— Ты уже продал! — Женщина оттолкнула руку Ахмета с деньгам, попыталась вырвать повод из другой руки. Мужчина тоже стал оттеснять Ахмета плечом, вырывать повод. Вдвоем это им удалось.

Ахмет продолжает совать им деньги, пытаясь вновь схватить повод. Как заведенный твердит:

— Не продается корова... Не продается корова...

— Убери руку! — не дает ему схватить повод мужчина.

— Сумасшедший какой-то! — отталкивает Ахмета руками женщина.

Ахмет остановился. Бледный, губы дрожат.

— Не могу я ее продать. Хотите на колени встану? — Встает на колени.

Мужчина и женщина молча смотрят на него.

— Зачем продавал тогда? — мрачно спросил мужчина.

— Денег нет, — ответил Ахмет. — И что делать не знал.

Мужчина и женщина переглянулись.

— Отдай, — махнула рукой женщина.

Мужчина протянул повод Ахмету. Ахмет передал ему деньги.

— В следующий раз думай, — недовольно буркнул мужчина.

— Спасибо. Простите меня.

— Ладно. Мы понимаем.

— Что поделаешь, всем сейчас нелегко, — вздохнула женщина.

— Еще раз спасибо, — поблагодарил Ахмет.

Мужчина отмахнулся рукой, считая на ходу деньги, пошел с женщиной своей дорогой. Ахмет поднял с земли ведро и они с Мануш двинулись в другую сторону.

Покинув райцентр, Ахмет с Мануш направились в сторону ближайшего города. Вероятность невелика, но можно было попытаться найти работу. Все равно, пока других мыслей у Ахмета не было... Днем они шли вдоль дороги. К вечеру Ахмет подыскал подходящее место для стоянки, подоил Мануш, поужинал. Когда стемнело, пристроился у Мануш под боком на ночь.

— Хорошо, что я тебя не продал, Мануш. Как я мог? Ты меня кормишь, согреваешь. Добрее тебя никого нет. А я тебя чуть не продал. Кто после этого скотина? Ты или я? Конечно, я. Скотина и дурак. Последнее чуть не продал. Почему я такой, не знаешь?.. Чего-то я, наверное, не понимаю в этой жизни. Или точнее, ничего не понимаю. Стою и смотрю, а она течет мимо... Ты, наверное, понимаешь. Надо жевать траву, давать молоко. Все просто и ясно. Научи меня. Ты же добрая, умная... Молчишь?.. Спасибо, что дураком не называешь... (Вздыхнул.) Ладно. Попробуем жить вместе. Может, тебе со мной не всегда будет сытно и тепло. Другие хозяева, может, лучше бы обеспечивали тебя. Но, ведь, они и на мясо пустить могут. Если для них выгодно. Так что, для тебя тоже, может быть, хорошо, что со мной осталась. Как будем жить, я, пока, не знаю, но что-нибудь придумаем.

Утром Ахмет подоил Мануш, отпустил ее пастись. Позавтракал и вышел с ведром к дороге продать остатки молока. Ведро поставил на землю, к нему прислонил

табличку с надписью «Продается молоко», которую заготовил еще в райцентре. Сам сел рядом. Некоторые из проезжавших машин останавливались. Ахмет наливал молоко в предложенную емкость, брал деньги. После полудня они с Мануш отправились дальше в путь.

Когда они шли вдоль проселочной дороги, их обогнала грузовая машина. Метров через тридцать она остановилась. Из машины вышли трое кавказцев, направились навстречу Ахмету. Подойдя, один из мужчин молча, что есть силы, ударил, ничего не подозревавшего Ахмета, кулаком в лицо. Ахмет упал. Другой мужчина взял повод и они, не оборачиваясь, пошли с коровой к машине... Ахмет пришел в себя, вскочил на ноги и кинулся за ними. Тот же мужчина, обернувшись, встречным ударом в лицо снова сбил с ног Ахмета. После этого они втроем били его ногами... Когда Ахмет очнулся, машина уже пылила вдали. Беспомощный, грязный, с разбитым лицом стоял Ахмет на дороге, когда услышал сзади мощный рев мотора. Показался танк. Раскинув руки, Ахмет кинулся ему навстречу. Танк остановился, открылся люк, из него показалась голова в шлеме.

— Мать твою! Тебе что, жить надоело?!

— Помогите! Корову у меня отняли!

— Какую, к черту, корову?! — заорал танкист. — Ты что, совсем?! — постучал себя по голове. — А ну, отойди!

Показались другие головы в шлемофонах.

— Помогите!.. — Такая мука в глазах, отчаяние на разбитом лице. — У меня никого нет! Я никому не нужен!.. Только этой корове.

Пауза. Молча смотрят друг на друга.

— Ну что, христиане? — обратился первый танкист к экипажу. — Поможет мусульманину?

— Можно, — коротко ответил один из членов экипажа.

— Ладно, залазь, — показал за башню танкист. Ахмет вскарабкался на танк. — Куда они двинулись?

— Вперед по этой дороге, — показал Ахмет. — На грузовике.

— Ясно. Держись крепче, сейчас догоним.

Танкисты скрылись в танке, и он на огромной скорости рванул вперед. Вскоре впереди, но еще далеко, показался грузовик. Танк свернул с дороги, помчался по целине наперерез машине. Выскочил впереди машины на дорогу и преградил ей путь. Башня с пушкой развернулась и ствол едва не уперся в лоб кабины грузовика. Танкист показался из люка.

— Иди, забирай свою корову. Мы присмотрим.

Ахмет прыгнул с танка, подошел к кабине.

— Снимай.

Мужчины, без слов, вылезли из кабины, пошли снимать корову. Со связанными ногами она лежала в кузове грузовика. Вчетвером (с Ахметом) по доскам, которые лежали там же в кузове, ее стащили с грузовика. Ахмет судорожно принялся развязывать корове ноги.

— Сейчас, Мануш. Сейчас, Мануш...

Кто-то из мужчин достал нож и ножом разрезали путы. Корова встала на ноги, Ахмет обхватил ее за шею, прижался к ней лицом.

— Значит так, — командовал бандитам танкист. — Разворачивайтесь и дуйте обратно. Очень быстро. Чтоб я вас не догнал.

Машина уехала. Ахмет подошел к танку.

— Не знаю, как благодарить вас, ребята.

— У тебя, действительно, никого нет? — спросил танкист.

— Никого, — покачал головой Ахмет.

— Дом есть?

— Нет.

— Да-а, — сочувственно протянул танкист. — Тогда тебе лучше уходить отсюда. Непокойно здесь. Иди в Россию. Там спокойней и пристроиться где-нибудь можно... Ну, счастливо.

Танк взревел и понесся вперед. Ахмет еще какое-то время стоял, смотрел вслед удаляющемуся танку.

— А нам, Мануш, надо обратно идти. Вещи искать.

Ночь. Ахмет лежит у Мануш под боком.

— Танкист прав, Мануш. Уходить надо. В Россию. Там спокойней. Здесь убьют. Тебя на мясо, меня просто так. Нажал курок и — нет человека. Не мешает, не путается под ногами, не кричит: «Моя корова!».

Ахмет и Мануш идут по обочине шоссе. Их обгоняет военный грузовик. В кузове несколько солдат. Ребята молодые, что-то кричат Ахмету, смеются, один рожки показывает — мычит. Дурачатся. Грузовик скрылся. Через некоторое время где-то впереди грохнул взрыв, послышалась стрельба. Ахмет остановился, потянул корову в сторону от дороги. Но стрельба, вскоре, затихла. Ахмет переждал некоторое время, затем они вернулись на дорогу и продолжили путь.

За очередным поворотом их глазам открылась ужасающая картина. Перевернутый, дымящийся грузовик, разбросанные вокруг тела солдат. Тех самых, что недавно кричали ему из кузова машины. Ахмет подошел ближе, оставил корову в стороне, сам принялся осматривать солдат. Все были мертвы. Окровавленные, искалеченные тела лежали в кабине, лежали вокруг на земле.

Ахмет бегом вернулся к Мануш, взял за повод и потянул с дороги. Он с силой тянул за собой медлительную корову, стараясь, как можно быстрее, уйти подальше от страшного места.

Блок-пост. Ахмет предъявляет паспорт. Поднимает руки, его ощупывают. Достает все из рюкзака. После осмотра проверяющий машет рукой, давая разрешение пройти. Ахмет собирает рюкзак, вскидывает его за спину, берет ведро, повод и они с Мануш продолжают путь.

Сменяются пейзажи, а Ахмет с Мануш идут, идут, идут...

Ахмет с коровой идет по поселку. Поселок русский.

Подходит к домам, предлагает молоко. На него обратили внимание милиционеры, проезжавшие мимо на милицейской машине. Остановились.

— На местного не похож, — заметил офицер.

Подошли, остановили Ахмета. Офицер потребовал документы.

Ахмет полез, достал паспорт. Милиционер внимательно просмотрел его.

— Что в наших краях делаете?

— Ничего. Просто иду с коровой. Хочу где-нибудь в России найти работу и остановиться жить.

— Откуда корова? По паспорту вы не сельский житель.

— От бабки в наследство досталась.

— Придется пройти в отделение.

— Зачем? — недовольно спросил Ахмет.

— Проверить надо. Вдруг вы украли корову.

— Пожалуйста. Проверяйте.

— Анисимов. — Офицер протянул, стоявшему рядом милиционеру, паспорт Ахмета. — Доставишь задержанного с коровой в отделение.

Машина уехала. Ахмет с коровой, в сопровождении милиционера, направились в отделение. Перед тем, как войти в одноэтажное здание милиции, корову привязали к дереву. В отделении Анисимов отдал дежурному офицеру — капитану паспорт Ахмета и пояснил:

— Ходил с коровой по поселку, продавал молоко. Лейтенант велел доставить в отделение, проверить, может, корова ворованная.

— Дай ему лист бумаги, авторучку, — приказал Анисимов капитан. — Пусть пишет объяснение. Составишь протокол задержания. Как напишет объяснение, задержанного в камеру, объяснение и протокол — ко мне. Скажи Шестакову, пусть подойдет.

Анисимов с Ахметом ушли. К капитану явился Шестаков.

— Вызывали, товарищ капитан?

— Во дворе привязана корова, — объяснил капитан. — Оформишь ее, как вещественное доказательство, и при-
мешь на ответственное хранение.

— Куда я ее дену, товарищ капитан? На полку положу?

— Не знаю. Это твое дело. Пусть пока во дворе стоит.

— А если украдут?

— Украдут, отвечать будешь. За утерю вещественного
доказательства. Все. Выполняйте, сержант.

Спорить было бесполезно. Недовольный Шестаков вы-
шел во двор, подошел к корове, осмотрел ее, привязал
покрепче.

— Вот свалилась на мою голову, — проворчал он. — Что я
с ней буду делать?

Сослуживцы, кутившие на крылечке, были уже в курсе и
не упускают возможность позубоскалить.

— Цепью надо приковать, — посоветовал один из них. —
Уведут вещественное доказательство.

Неожиданно корова начинает ронять «лепешки». Шес-
таков отпрыгивает, опасаясь брызг. Это вызывает восторг
на крыльце:

— Шестаков, вещественные доказательства падают!
Лови быстрее!

Шестаков, в раздражении передразнивает их: «гы-гы-гы».
Уходит в здание милиции.

Камера. Милиционер привел Ахмета, закрыл за ним
дверь. Ахмет остановился посреди камеры, осмотрелся.
На одном из двух топчанов лежал невзрачный, небольшо-
го роста мужчина неопределенного возраста. В майке, весь
в наколках. Ахмет поздоровался, ответа не последовало.
Мужчина встал, молча обошел вокруг Ахмета, оглядывая
его со всех сторон.

— По-бразильски говорите? — неожиданно спросил
Ахмета.

— Нет, — удивился Ахмет.

— А по-аргентински?

— Тоже нет.

— Странно, странно... Из какой же тогда страны вы при-
были, сэр? — с издевкой поинтересовался мужчина.

— Ни из какой. Я в этой стране живу.

— Поразительно. Выходит, мы с вами соотечественники...
И каким образом, позвольте спросить, Вас занесло в КПЗ?

— Куда? — не понял Ахмет.

Мужчина с интересом посмотрел на Ахмета.

— В КПЗ, в КПЗ, милый.

— Что такое КПЗ?

— Так, та-ак... — Мужчина потер подбородок и про-
шелся несколько раз перед Ахметом, поглядывая на него
исподлобья, соображая что-то. Внезапно он повернулся
к Ахмету. — Вот ты и прокололся, шпион проклятый! —
Ахмет от удивления вытарашил глаза. — Что? Не ожи-
дал? Готовился, готовился и — на тебе. На ерунде проко-
лолся... Не понял?.. Что же ты, милый, под нашего косишь,
а таких вещей, как КПЗ не знаешь?.. На кого работаешь?!..
В глаза, в глаза мне смотри!.. На я-пон-цев?.. Думал,
приедешь и всю Россию по дешевке купишь?.. А это ты
видал? — Сует Ахмету фигу под нос. — На-ка! Выкуси!..
Если считаешь, что я тебе родину по дешевке про-
дам, жестоко ошибаешься. Я родину... по дешевке... не про-
даю!.. Она дорого стоит.

— Ну и не продавай, — опомнился Ахмет. — Кто тебя об
этом просит?

Он обошел, стоящего перед ним мужчину и сел на свобод-
ный топчан. Последовала пауза. Мужчина, после некоторой
заминки, быстро подсел к Ахмету и, наклонившись к его уху,
громким шепотом доверительно сказал:

— Не обращай внимания. Я это для ментов базарил.
Чтобы не подумали чего. На самом деле я — свой... Понял?..
Свой. Тоже японец. Посмотри на меня. — Растягивает
пальцами уголки глаз. — Мой прадедушка был японский
самурай и всем нам завещал любить нашу японскую
родину. — Встает по стойке смирно и сдавленным

шепотом скандирует. — Да здравствует наша Япо-мать! Банзай! Банзай! Банзай! — Садится, обнимает Ахмета за плечи. — Я тебе, братан, такой секрет продам... Такой военный секрет... Твои как увидят — обалдеют. Новейшая ракета... Но-вей-ша-я! — Ахмет с опаской посмотрел на него. Мужчина это заметил. — Да не бзди ты. Все путем. У меня кореш на секретном заводе работает. Ему деньги нужны, баню в огороде собирается строить. Просил меня найти, кто бы купил секретную ракету. Десять миллионов долларов и ракета — твоя... Это очень недорого для такой ракеты... — Ахмет молчит, не знает, как реагировать. — У нее в носовой части дверь. Там сидит ракетчик, который рулит, куда надо. Как наши японские камикадзе на самолетах. Только, если наш японец, по-честному, вместе с самолетом всмятку, хитрый русский в последний момент выскакивает через дверь и смывается. Точность попадания — сто процентов. Есть все схемы и чертежи. Десять миллионов, и они твои.

— Ты ошибся, — решил, наконец, развеять заблуждения Ахмет. — Я вовсе не японец.

— Понял, братан. Понял. Ты — не японец. — Мужчина встает и, прохаживаясь возле двери, громко говорит. — Он не японец. Я тоже не японец. Мы оба не японцы. — Снова быстро подсаживается к Ахмету и шепотом: — ну как? Берешь? — Ахмет молчит. — Хорошо. Пять... Мы, японцы, должны помогать друг другу... Я сирота. У меня детство было тяжелое... Жмот проклятый, изо рта кусок вырывает... Черт с тобой. Три... Трояк не даешь?!.. Слышал я, что японцы жмоты. Сам японец. Но такого жадного японца не видал... Каких-то жалких три миллиона зажал... Для своего же брата японца?.. Ладно. (Со слезой.) Ради нашей японской родины, ради ее могущества и процветания. Отдаю задаром. За один миллион. Пусть она, — утирает слезу, — крепнет и развивается. (Дрожащим голосом.) Банза-а-ай. — Сморкается, вытирает слезы, смотрит на Ахмета. Тот молчит. — Ну ты че? Внатуре. Морда косоглазая.

Совсем оборзел? Земляка своего раздеваешь? Я ж тебе, как на духу, страшную тайну свою открыл. А ты, сука, последнюю рубашу сываешь?

— Чего ты пристал ко мне? — возмутился Ахмет. — Никакой я не шпион и никакой я не японец... Ракета, миллионы... Совсем, что ли? — красноречиво постучал себя по голове.

Отпор несколько охладил пыл мужчины.

— Ты мне баки не забивай, — уже без энтузиазма попытался он гнуть свою линию. — Я тоже кое-что соображаю. Если ты не японский шпион, из-за чего сидишь здесь?

— Из-за коровы.

Пауза. Мужчина что-то соображает.

— Секретная?

— Что секретная? — не понял Ахмет.

— Корова... Корова, спрашиваю, секретная?

— Какая секретная?

— Ну, не знаю. Твоя же корова, не моя... Рога у нее где?.. Где рога, спрашиваю?.. Спереди, сзади?..

— Конечно, спереди, — начинает злиться Ахмет. — Где еще?

— Опять не то! — с досадой хлопнул себя по бедру мужчина, заходил по камере. — Сто лет ищу... (Чувствуется, он снова на коне.) Только, только забрезжит и — снова ничего. Уж если не везет, так не везет... Столько времени, столько я сил угрохал и все зря... — Повернулся к Ахмету. — Мне нужно, чтобы сзади были... Сза-а-ди...

— Что сзади?

— Рога. Рога сзади. — Мужчина подсел к Ахмету, доверительно обратился: — слушай, братан. Помоги. Тут такие бабки срубить можно... Тебе такие и не снились... Помоги. А уж я не обижу.

— Чего помоги?

— Корову. Корову помоги найти. Дальше дело мое... Я тебе бабки отстегну и мы — разбежались...

— Какую корову?

— С рогами, — не может сдержать досады мужчина. —

С рогами сзади. Мне нужна корова, чтобы рога у нее были не спереди, а сзади... Понял?

— Зачем? — поразился Ахмет.

Мужчина насторожился. Пристально, с недоверием смотрит на Ахмета.

— Почему ты это спрашиваешь? — интересуется вкрадчиво, тоном следователя.

— Просто так спросил, — растерянно ответил Ахмет.

— Просто так про государственную тайну не спрашивают.

— Не хочешь, не говори. Я так просто...

Мужчина задумался... Посмотрел на Ахмета, отвел глаза. В задумчивости потер подбородок. Снова посмотрел.

— Глаза у тебя, вроде, честные. — Мужчина что-то пытается для себя решить, колеблется. — А-а! — машет решительно рукой. — Все равно мне одному это дело не осилить. Ладно! Только предупреждаю. Ни кому... Ни слова... Про психическое оружие слышал?.. Что американцы работают, об этом писали... Но так... Вскользь. То ли правда, то ли — нет... На самом деле они работают... И наши работают. Но у наших бабок мало. А американцы бабок не жалеют... Так вот. Есть один канал. По которому можно получить бабки. Бабки не-ме-ряные... Не за так, конечно... Если достать им то, что они хотят... А хотят они... Корову. У которой рога где?.. Пра-а-авильно... Сзади... И бабок они отстегнут столько, сколько запросишь... Понял теперь?.. Я, когда узнал, сначала не поверил. Но уж очень серьезные люди этим занимаются... А главное, там такие бабки задействованы... Страшно становится... Но если слишком широко рот не разевать, отщипнуть можно. И даже проглотить дадут... Мэру только надо знать... Да нам, скажу я тебе, этой малости — во! — показал рукой вверх головы. — Выше крыши. На всю жизнь хватит и еще внукам останется... Ну как? По рукам?

— Не знаю... Странно как-то. — Ахмет сбит с толку, не знает как реагировать.

— Конечно странно! — возбужденно воскликнул

мужчина. — В этом-то все и дело! Ничего такого до сих пор не было!.. — Потрясает ладонью. — В голове не укладывается!.. Психика не выдерживает!.. На это весь расчет... Представляешь. Противник приготовился к атаке... И тут... перед ним... на поле боя... вдруг появляется корова... А у нее... рога... НА ЖО-ПЕ!!!.. У противника мозги набекрень, и ты берешь его голыми руками...

В молчании собеседники смотрят друг на друга. Ахмет ложится на спину, руки под голову, уставился в потолок.

— Ну как? — прервал молчание мужчина. — Не волнуйся, весь маркетинг я беру на себя.

— Отстань! — отрезал Ахмет.

Последовало тягостное молчание.

— Ты че, братан, обиделся? — пытается разрядить атмосферу мужчина. — Ну это ты зря... Я же только предложил. Не хочешь — не надо... Меня попросили, я решил попробовать. Чего не попробовать, если бабки дают. Какая разница за что. Были бы бабки приличные... Это же бизнес. На бизнес обижаться нельзя... И на маркетинг тоже... Я виноват, что у меня талант на маркетинг? Когда дело касается маркетинга, я голову теряю. Завожусь с полоборота. Надо японцам ракету — буду искать ракету. Надо американцам корову — буду искать корову. С рогами, без рогов, спереди, сзади — какая разница. Есть заказ — буду искать... А ты обиделся... Зря обиделся. Я, ведь, только предложил... Смотрю — мужик нормальный. Решил в долю взять. Не нравится — твое дело. Чего обижаться?.. Тебя как зовут?

Ахмет не сразу, но ответил:

— Ахмет.

— А меня Петя, — обрадовался мужчина. — Давай пехуха. — Протянул руку для рукопожатия. Ахмет посмотрел на него, пожал руку. — Ну вот и хоккей... Чего нам с тобой делить? — Вдохнул. — Делить нам с тобой нечего. Оба за решеткой... Скукотища здесь, скажу я тебе, сдохнуть можно. Хорошо ты пришел. Вдвоем легче. Хоть поговорить можно. Кстати, что там у тебя с коровой?

— От бабки в наследство получил. А они говорят, может, украл.

— Это они могут, — посочувствовал Петя. — Им, главное, взять человека. Прав ты или виноват — дело десятое.

— А тебя за что? — в свою очередь, поинтересовался Ахмет.

— Меня? Ни за что. Баба пожаловалась и — загребли.

— Жену побил?

— Да нет. Я человек свободный. В том смысле, что ни одна баба юридически не оформила меня в свою личную собственность. Так что вопрос о жене отпадает.

— Чужую побил?

— Никого я не бил, — с легким раздражением, ответил Петя. — Шел просто по рынку, проводил маркетинг. Я по профессии — менеджер по маркетингу... Иду и думаю, где бы мне надыбать, хоть какого-нибудь спонсора. Смотрю — идет женщина. Я на нее посмотрел, и она на меня посмотрела. Между нами, как будто искра проскочила. Смотрит она и не может оторваться. Наверное, понравился ей. Обычное дело. Я к этому привык. Бабы от меня без ума. Вот и эта, должно быть, влюбилась. Подходит, значит, она ко мне и спрашивает: «Вы, случаем, не артист? Очень мне ваше лицо знакомое».

— Нет, говорю, женщина, я не артист, и в кино не снимался.

— Очень жаль, — говорит она. — Вместо того, чтобы снимать разных уродов, могли бы пригласить такого симпатичного мужчину, как Вы.

— Ну, ясно, — думаю. — Любовь с первого взгляда...

Так и есть. Вцепилась в меня и не отпускает. Говорит, какой я интересный мужчина и прочие приятные слова.

— Прямо так и говорит?

— Конечно. Она же голову от любви потеряла. Мне даже неудобно стало. Вокруг люди... Короче. Высказала мне все это. Вдыхает и говорит, что у нее муж, семья и все такое прочее. Но в знак любви своей, она хочет сделать мне подарок на память. Достает из сумки кошелек и протягивает

мне: «Вот, возьмите, — говорит, — от меня на память»... Что мне было делать? Вот ты бы взял у нее кошелек?

— Не знаю, — пожал плечами Ахмет.

— Вот и я так же, — продолжил Петя. — Не знал, что делать. Брать — не удобно. Не взять — смертельную обиду женщине нанесешь. Память любви, все же... Пришлось взять. На этом мы с ней расстались...

Я положил кошелек в карман и пошел своей дорогой... А она, знаешь, куда побежала?.. Ни за что не догадаешься... В милицию... Вот куда... Прибежала и говорит, что у нее кошелек с деньгами украли. Представляешь?

— Зачем она это сделала? — удивился Ахмет.

— Черт ее знает. Разве этих баб поймешь? Может, злость ее взяла, что не может меня приватизировать... В общем, не успел я очухаться, как меня повязали. Вот так и оказался я здесь.

— Что же ты сразу не сказал им, как было?

— Да говорил я, а что толку? — сморщился Петя. — Разве ж они поверят? Им главное что? — Дело на человека завести. План выполнить. Произвол в чистом виде. Вот что это такое. Никакой тебе демократии. Чистый тоталитаризм... Кстати, как ты относишься к демократии?

Вопрос поставил Ахмета в тупик.

— Я? Не знаю.

— Учти, если ты против демократии, сразу просись в другую камеру. Потому что я — демократ с головы до ног. Всем нутром до последних печенок-селезенок за демократию и нашу родную капиталистическую законность... Где мой адвокат, спрашиваю я вас? — обратился Петя к двери. — По какому такому праву меня допрашивают без адвоката?.. Молчите?.. Сказать нечего?.. А за что арестовали честную, порядочную корову?.. Она, как положено, выполняла свой долг... Жевала травку... Давала молоко... И вдруг ее тащат в милицию... Это не произвол?!.. Да, между прочим, Ахмет. Пока ты здесь сидишь, кто будет поить-кормить корову? Тебе сказали?

— Нет, не сказали.
 — Надо бы узнать. Корова не чемодан, за ней ухаживать надо. Давай спросим?
 — Давай.

Они принялись стучать, звать дежурного. Появился милиционер.

— Командир, — обратился к нему Петя. — Там у человека корова была. Напоить, накормить надо бы. Жалко все же. Живая.

— И подоить потом, — добавил Ахмет.

— Ладно. Узнаю, — пообещал милиционер.

— Пусть почешутся, — проворчал Петя, когда за милиционером закрылась дверь. — А то хватают всех подряд... Ну мы, ладно. Но корова-то причем? Она за что страдает?

— Товарищ капитан, — доложил дежурный милиционер. — Задержанный просит напоить, накормить корову и подоить потом.

Капитан задумался. Затем приказал:

— Позови Шестакова.

Дежурный милиционер сходил за Шестаковым.

— Шестаков, — сказал капитан. — Корову напоить надо бы. И попасти.

— Товарищ капитан, я что? Пастух? — заныл Шестаков. — Почему я должен пасти эту корову?

— А кто должен? Я?.. Корова к тебе поступила. Ты отвечаешь за ее сохранность. Хочешь — не хочешь, пасти надо. Иначе сдохнет. Доить тоже надо.

— Но товарищ капитан...

— Я все понимаю, Шестаков. Надо будет попросить какую-то женщину. Организуй это дело.

— Товарищ капитан...

— Все, Шестаков. Все. Я понимаю, сочувствую, но другого выхода нет.

Вечером Шестаков вернулся во двор отделения милиции с коровой на поводу и ведром, в котором было молоко.

Сослуживцы его радостно встретили.

— Как вечерняя дойка прошла?

— По надоям молока наше отделение теперь выйдет на первое место.

Шестаков молча привязал корову, зашел в отделение, спросил у капитана:

— Что с молоком делать?

— Отнеси в камеру, — распорядился капитан.

Шестаков отнес ведро с молоком в камеру, поставил на пол, сказал Ахмету:

— Твое молоко.

— Спасибо, — поблагодарил Ахмет.

Шестаков ушел.

— Молочко — это хорошо, — довольно потер руки Петя. — Спасибо твоей корове. Не забывает корешей.

Попили молоко. От нечего делать улеглись на топчаны.

— Как ты думаешь, — поинтересовался Ахмет. — Долго еще нас здесь продержат?

— Трудно сказать, — глубокомысленно ответил Петя. — Им тоже надо работу показать. Что не зря хлеб едят. Вот они и суется. Поймают какого-нибудь лоха и давай: протоколы, проверки, допросы. На все это время надо.

— А лох это кто?

— Ну ты даешь, братан, — удивленно посмотрел на Ахмета Петя. — Из какого медвежьего угла ты вылез?.. М-м-да-а... Лохи, лохи... Ладно, студент, слушай сюда. Дядя профессор прочитает тебе небольшую лекцию. Кто такие лохи, откуда они произошли, их внешний вид, повадки и способ размножения.

Значит так. Лохи — это... Это такое племя. Произошли они от антарктических крестьян, которые в условиях крайнего юга выращивали лапшу на бескрайних антарктических полях. Иногда эти поля откалывались от берега и уплывали в открытый океан. И с ними вместе плыли лохи, занимаясь в пути своим натуральным хозяйством. Так они добирались до самых дальних стран, так добрались и до

нашей России.

И все бы ничего, кабы не опасность, которую таят в себе эти лохи. Один такой лох умудрился во время своего плавания потопить самый большой английский корабль. Капитан этого корабля однажды увидел посреди океана, как плывет на огромном куске антарктического поля какой-то лох и доит корову. У капитана аж челюсть отвисла, глазам своим не верит. Рулевой тоже варешку разинул. Ну и со всего маху вмазались в этот антарктический кусок. Лоху тому хоть бы что, а корабль — ко дну. Вместе с экипажем и пассажирами. Народу утонуло — уйма. Англичане злые — презлые. Ищут этого лоха, всю Англию обвесили его портретами, огромные бабки обещают тому, кто на этого лоха капнет. Теперь вот и у нас его через интерпол ищут. Я сам видел портрет. Чернявый, вроде тебя. Нос такой же. Уши такие же. Рот такой же. — Петя сел, внимательно посмотрел на Ахмета. — Ну-ка, поверни голову. — Поднял за руку Ахмета, повернул ему голову, отошел, всмотрелся. — Е-мое-о-о... Так это твой портрет... Ты знаешь, что тебя англичане ищут?

— Меня? — Удивлению Ахмета не было предела.

— Тебя, тебя... Бабки большие обещают тому, кто поможет найти. Фунты стерлингов отвалят.

— Я всю жизнь дома жил, — встревожился Ахмет. — Никуда не ездил. Только к бабке.

— Не ездил, говоришь? — Петя задумчиво посмотрел на Ахмета, потер подбородок. — Очень может быть... Но, с другой стороны... тот лох тоже был с коровой. Не слишком ли много совпадений?

— Клянусь, я ничего про это не знаю.

— Про что ты не знаешь? — вкрадчиво поинтересовался Петя.

— Про это... про корабль английский... людей, которые утонули...

— Откуда ты знаешь, что они утонули? — продолжал тихо, иезуитски, допытываться Петя... Затем вдруг за-

орал: — ты видел это?! Почему ты не помог им?! Не спас, хотя бы одну женщину или ребенка?

Ахмет оторопел, с тревогой смотрит на Петю.

— Как я мог спасти, если не видел это?

— Почему не видел? Ушел в дом? Не захотел смотреть, как гибнут люди?

— Какие люди?

— Английские, американские. Корабль тот шел из Англии в Америку. Кстати, в Америке тебя тоже ищут. Считают своим врагом.

— Каким врагом?!

— Врагом номер один!.. Американского народа. (Ахмет, раскрыв рот, смотрит круглыми глазами на Петю.) Для тебя в Америке разработали специальный электрический стул, на который посадят за твои злодеяства.

— Какие злодеяства? — Ахмет проглотил комок в горле. — Я ничего не делал.

— А это никого не интересует, — заметил Петя сухо. — Главное, похож. И корова при тебе. Против фактов не попрешь. Не хочу зря пугать, но дела твои, прямо скажем, хреновые... Как повяжут, ты просись к англичанам. У них лучше. Просто повесят и все. Не то что эти — на электрический стул. Живодеры поганые... Эх, Ахметка... Нет. Нет настоящей демократии... Кругом одно фуфло. — Встав в позу декламирует:

Я волком бы выгрыз тоталитаризм.

Сомнений нету в этом.

За то, что посадят тебя и меня.

На разные сроки при этом.

Чувствуешь, какие стихи? Сходу выдаю. Таланты так и прут из меня. Это у меня от предков. Гены во мне такие обалденные. Знаешь, кто я по материнской линии?.. Граф!.. И не просто там захудалый графенок, а потомок графа Льва Толстого... Чувствуешь?.. — Напевает на мотив «Раскинулось море широко»:

*Я родственник Левы Толстого,
Незаконнорожденный внук...*

А по отцовской линии... Знаешь кто у меня предок?.. Великий князь Константин!.. Понял? — многозначительно поднимает палец. — И выходит, что с одной стороны я — граф, а с другой — Великий князь. Что же это получается? Графический Великий Князь? Так, что ли? Мда-а-а. Без поллитры не разберешься... Одно ясно. Такая во мне порода... Страшно представить... (Доверительно Ахмету.) Только это так, между нами. Я об этом никому не говорю. Мало ли что... Придут снова коммунисты и — к стенке меня. Как наследника русского престола...

А вот, если установится монархия, тут я и вылезу. Ну-ка, ребята, подвиньтесь. Где тут царский трон?.. Понятное дело, так просто мне трон не отдадут. Повылазят разные родственнички. Подраться придется... Ничего... Не впервой... Кореша помогут. Я тут, на всякий случай, втихоря банду собираю. Потом мы ее партией назовем. Банда — это те, кто за бабки дерется. А за власть — это партия. Бабки потом сами посыпятся... Ты как? Пойдешь ко мне? Корешей я не забываю. Даже если англичане тебя повяжут — вытащу... Ну?

— Я не знаю...

— Да ладно тебе... Хороший ты мужик, — обнял Ахмета за плечи Петя. — Ты мне сразу понравился... Такие мне нужны. Считаю, что я взял тебя в свою банду... Эх, наделаем мы делов... Бабки только нужны... У тебя нет, случаем?

— Нет, — отрицательно покачал головой Ахмет. — Была квартира — знакомый обманул. Нет теперь ничего.

— Вот, суки!.. Куда ни ткнись, везде уже поработали... Охо-хо... — Петя вздохнул, походил по камере. — Ладно, Ахметка. Не горюй. Не в деньгах счастье. Деньги что? Деньги — пыль. Сегодня они есть, завтра — нет... Напеваает: — гори, гори... моя звезда-а... Ничего... И на зоне жить можно... Хреново, правда. Но что делать?.. Вот, говорят, на Западе в зонах лафа-а. Камеры — люкс! Телевизор, видак.

Жратва—витаминов вагон. Не то что наша баланда... Футбольчик, баскетбольчик. Сам по телевизору видел... Лафа, да и только... — Внезапно его осенило. — Слу-у-шай, брат. А может, тебе к англичанам в тюрьму? Они же тебя ищут... Можно сделать так: я тебя сдаю — бабки пополам. Чего им пропадать?.. А?

— Так повесят же, — тоскливо напомнил Ахмет.

— Да нет, — успокоил его Петя. — Ничего с тобой не будет. Я забыл тебе сказать — у них мораторий на смертную казнь. Это значит, не вешают они теперь. Просто на зону отправляют. Будешь газончик у них английский подстригать. Бабки я тебе на твой счет переведу. У них это можно. А хочешь, я посылки буду тебе посылать. Что душа твоя захочет... Как? По-моему, нормально... Нет, если не хочешь — дело твое. Я корешей не сдаю... Если только сам захочешь... Подумай... И на общее дело кое-что останется. За трон побороться можно будет... Если с тронном выгорит, мне тебя из английской тюрьмы выдернуть — плевое дело. Ихняя королева мне кто?.. Род-ствен-ница... Это сейчас она меня в упор не видит. А займу трон, сразу ласковой станет... Неужели она моего кореша не отпустит?.. Да стоит мне только ей звякнуть... Вот, смотри сюда. Снимаю трубку. — Снимает башмак с ноги, прикладывает к уху. — Але, але. Это королевский дворец? Позовите мне Лизавету... Какую? Ясное дело — вторую. Первую только черти на том свете зовут. Кто спрашивает? Петя спрашивает. Какой Петя? Четвертый... Я те дам, десятый! Ты на кого пасть разеваешь?! На русского царя?! Да я тебя, козел... Быстро!.. Распустились, мать вашу... Лиза, ты? Кто это сейчас трубку брал? Управдом? Гони ты его нахрен, Лиза. Представляешь, меня не признал! К-ко-з-зел! Нет, ты представляешь, Лизок. Меня! Самодержца! Императора! Царя всея Руси! Какой-то управдом... Ну, ваще-е-е... Да нет. Я спокоен. Только обидно, Лизок... Царствуешь, царствуешь. Правишь, правишь. Ночей не досыпашь, об государстве думаешь... А тут какой-то управдом...

К-коз-зел... Да ладно, Лизок... Ты-то сама как? Семья? Дети? Я тоже нормально. Живем потихоньку... Трон?.. Нет, не шатается. Я его подремонтировал слегка. Устойчиво сижую... Шапка Мономаха?.. Ничего. Не жмет. Тяжелая малость, а так, в самый раз... Я че звоню тебе, Лизок. Там у тебя на зоне, лох один срок мотает. Ахметкой кличут. Так это мой корешок. Чего сам не сказал? Постеснялся, должно быть. Он парень стеснительный. Ты вот что, отправь его ко мне... Извинения твои ему нахрен не нужны. Лучше вели золота ему насыпать. В наволочку от подушки... Одну секунду, Лизок. — Зажимает башмак между плечом и ухом, показывает Ахмету растопыренными ладонями объем наволочки с золотом. Делает вопросительный кивок. Ахмет непонимающе смотрит на него. Отсутствие реакции со стороны Ахмета Петя трактует, как несогласие. Понимающе кивает, показывает руками огромный объем и делает жест рукой «все будет, как надо». — Нет, не в наволочку, не в наволочку, Лизок. Пусть сыпят в чехол из-под матраца. И чтоб не жмотничали. Под завязку.

Ахмет, который слушал монолог с вытаращенными глазами, протестуяще машет рукой.

— Не надо. Не надо мне золото.

— Помолчи! — Петя мгновенно зажимает свободной рукой «микрофон трубки». — Помолчи, тебе говорят! — Открывает «микрофон». — Погоди, Лизок. Тут ко мне премьер-министр пришел. Сейчас я ему указ подпишу, и мы продолжим. — Снова зажимает «микрофон». Обращается к Ахмету: — чего тебе не надо?

— Золота так много не надо.

— Золота... Лишнего... Не бывает... — многозначительно, с расстановкой говорит Петя. — Это все знают. Один ты, как с Луны свалился.

— Я даже не донесу такой мешок.

— Не бойсь. Я тебе таких амбалов пришлю. Не то что мешок, королевство вместе с королевой утащут. Было бы что тащить. — Петя открывает «микрофон», продолжает разговор

по «телефону». — Все. Подписал. Об чем указ? Дураков в инкубаторах выращивать... На экспорт... В Японию. У них там умных много развелось. Одни умные. Представляешь? Повеситься можно. Они, бедные, уже и роботы дурацкие изобретать стали... Ну что ты... Никакого сравнения. Наш натуральный иной раз та-ко-е отчебучит... Им и во сне не снилось... Поделюсь. С тобой поделюсь. Кому другому отказал бы, а с тобой поделюсь. Родная кровь, как-никак... Да, насчет золота. В чехол сыпьте. В чехол из-под матраца... Ничего, ничего, упрет. Своя ноша не тянет... А это уже не твоя забота. Твое дело насыпать... Об его здоровье не беспокойся. Ежели жаба душит, так и скажи... Ладно... Ладно... Сами отвечаем... За все сами отвечаем... Договорились... Ну, пока, Лизок... Заглядывай при случае. Посидим. Пузырь раздавим... Ладно. Привет семье. — Опускает башмак, всовывает в него ногу. Обращается к Ахмету: — Ну вот. Все хоккей. А то: «Не надо, не надо мне золота...»

— Неудобно как-то, — стал оправдываться Ахмет. — У чужого человека мешок золота.

— Да брось ты... Неудобно... Неловко... Интеллигент какой нашелся. Ты знаешь у нее сколько этого золота? О-го-го сколько. Они из одной Индии его столько выгребли — с ума сойти... Ничего, не обедняет... А нам оно пригодится. — Стучит в дверь. — Дежурный, дежурный.

Подошел дежурный милиционер.

— Чего тебе?

— Спроси у начальника: за полмешка золота выпустит на волю?

— Давно не получал? — обозлился милиционер. — Еще раз так вызовешь — схлопочешь.

Милиционер ушел.

— Не поверил, — вздохнул Петя. — До чего скушный народ эти менты. Нарочно таких подбирают, что ли?.. Увидят кислую морду и зовут: «Иди к нам в менты...» Эх, на волю бы сейчас... Хотя бы по рынку пройти. Напеваает:

*Выйду на улицу,
Гляну на село.
Девки гуляют
И мне весело...*

Чертова дура. Надо же было ей на рынок пойти. Нет, чтобы сидеть дома, щи варить. Так она на рынок приперлась... И еще сумку настезж... Раз-зява...

Утром следующего дня в отделение вошел пожилой майор — начальник отделения. Поздоровался с дежурным офицером — капитаном, спросил:

— Что за корова там во дворе?

— Кавказец один ходил с коровой по поселку, продавал молоко. Решили проверить — не ворованая ли корова, — доложил капитан. — Вот протокол и его объяснения.

Протянул бумаги майору. Тот отложил в сторону протокол, принялся читать объяснение.

— Какие-нибудь жалобы, заявления о пропаже коровы поступали? — спросил майор.

— Нет.

— Так что его держать? Скорее всего, он правду пишет. Ты можешь представить, что вор украл корову, чтобы доить ее и ходить по поселку, продавать молоко?.. Я — нет.

— Тогда отпускаем?

— Конечно. Гони его к чертовой матери вместе с его коровой. Пока она весь двор не уделала. Ты видел, что возле забора творится? На один день, всего на один день уехал и уже не отделение, а какой-то скотный двор... Вызови Шестакова, пусть организует уборку.

В камеру входит Шестаков с лопатой, кивает Ахмету.

— Пошли. Уберешь за своей коровой и — на все четыре стороны.

Ахмет и Петя смотрят друг на друга.

— Уходишь, значит? — с сожалением произносит Петя. —

Покидаешь меня?

— Отпускают, — виновато разводит руками Ахмет.

— Эх, Ахметка, — обнимает его Петя. — Луч света в темном царстве. Я же здесь сдохну без тебя. Со скуки. Или с ума сойду. Они же здесь все правильные. Все-то они знают. Туда нельзя, сюда нельзя... — Грустно произносит:

*Слоны по небу не летают,
Рога на жопе не растут...*

Ладно. Счастливо тебе и твоей корове. Береги ее. Ты и корова — близнецы-братья. Созданы друг для друга...

Оставшись один, Петя завопил:

*Отпустите меня в Гималаи.
Отпустите меня насовсем.
А не то я завою.
А не то я залаю.
А не то я кого-нибудь съем.*

Снова вдоль дороги бредут Ахмет с коровой.

Вечером на берегу небольшого пруда Ахмет доит корову. Неподалеку по дороге проходил мимо мужчина. Увидел Ахмета с коровой, остановился. Направился к ним.

— Бог в помощь, — поздоровался мужчина.

— Спасибо, — откликнулся Ахмет.

— Проходил мимо, гляжу — пастух доит свою корову. — Мужчина явно хотел наладить контакт. — Лужайка, озеро, птички вокруг и пастух с коровой. Сказка да и только. (Ахмет закончил доить, отправил Мануш пастись.) Молочком не угостишь? (Ахмет, молча, взял из рюкзака банку, налил молока, протянул незнакомцу.) Вот спасибо, — обрадовался мужчина. — Хлебца не найдется чуток? (Ахмет достал хлеб, отломил приличный кусок, протянул.) Спасибо. Теперь можно подзаправиться.

Ахмет и себе налил в кружку, отломил хлеб. Присели на

травку, едят.

— Оголодал я маленько, — продолжил мужчина. — Финансы того — поют романсы. — Поел, утерся ладонью, вернул банку Ахмету. — Вот, теперь легче. А то в голове одна мысль: «Где бы перехватить». Теперь жить можно... Извини за любопытство. Почему сам доишь? Домой не успел дойти?

— Нет у нас дома, — коротко ответил Ахмет.

— Что так? — удивился мужчина. — На бродягу ты, вроде, не похож.

— Остался без квартиры, хотел пожить у бабки в селе. Пришел, а она недавно умерла. В доме другие люди живут. Мне вот корову отдали. С тех пор мы с Мануш путешествуем вместе.

— У меня тоже ни кола, ни двора. Мотаюсь по белу свету. Где я только не был. На Урале, в Сибири, в Москве. Теперь вот сюда занесло... Если не секрет, куда вы путь держите?

— Мы с Мануш от войны уходили. Идем все время на север.

— А мне без разницы. На юг, на север. Пойду тоже на север. С вами. Все веселей... Кстати, меня Алексей зовут. — Мужчина протянул руку. Ахмет пожал ее и тоже представился:

— Ахмет.

— Ну вот и познакомились. Корову, я знаю, зовут Мануш... Чудненько...

Ахмет достал из рюкзака удочку, намотанную на кусок картона, стал разматывать.

— У тебя и удочка есть. Запасливый ты мужик. Молодец. Правильно. В этой лужице вполне может рыбешка водиться.

Ахмет соорудил удочку, пошел, наковырял немного червей, сел удить рыбу. Алексей присел рядом.

— Я тоже, когда пацаном был, любил на рыбалку ходить. Наловишь мелюзги, мать ущицу сварит. А иной раз, даже пожарит на сковородке. Мелкая рыба очень вкусная.

Мясо нежное.

Сумерки. Ахмет сварил уху, снял котелок, остудил его в воде. Налил уху в банку, отломил кусок хлеба, протянул Алексею.

— Извини, ложки второй у меня нет.

— Ничего. Приспособимся. Не впервой. — Алексей достал из костра, обгоревшую на конце, палочку, вытер ее травой. Принялся есть, помогая себе палочкой. — Вкусная уха.

Поели. Ахмет сполоснул в воде посуду, высушил над углями котелок, убрал в рюкзак. Присел возле костра. Алексей тоже пристроился возле огня.

— Ты с Кавказа идешь, как там?

— Плохо, — вздохнул Ахмет. — Работы нет. Стреляют. Взрывают. Не ходи туда. Опасно. Одному, чужому там лучше не появляться.

— Я пока еще с ума не сошел, чтобы на Кавказ переться, — усмехнулся Алексей. — Не был и не собираюсь. Мне и России хватает... В России жить можно. Летом — куда кривая выведет. Зимой — в город. Чаще в Москву. Там я все знаю. У меня там даже баба есть. Поссорился я, правда, с ней. Но, думаю, при нужде можно будет восстановить дипломатические отношения. Ты в Москве был?

— Нет.

— Надо. Надо побывать. В Москве хорошо. Особенно, если бабки есть... Хотя, с другой стороны, с бабками везде хорошо. В Сочи, например. Чем плохо сейчас? А?.. Ты был в Сочи?

— Нет. Не был.

— Я был. Мы с дружкой провернули одно дельце и — в Сочи...

Хорошо погуляли. Море, девочки. Приятно вспомнить... Но там бабки нужны. Без них там делать нечего. Даже хуже, чем в других местах. Люди веселятся, а ты по помойкам лазишь...

Утром, когда Ахмет подоил корову, Алексей уже сам достал из рюкзака банку и протянул Ахмету.

— Вот. Сейчас мы молочка парного, свеженького... Попробуем, чем угостит нас Мануш. — Ахмет налил ему. Алексей отпил глоток, облизнул губы. — Ох и молоко у тебя, Мануш. Ни в одном супермаркете такого не купишь... Хлеб у нас остался еще?

Ахмет достал остатки хлеба, разделил пополам.

— Весь хлеб? Ничего. Сейчас я поем и сбегая. Наверняка там, — показал на видневшийся вдали поселок, — магазин есть.

Поели. Алексей утерся ладонью.

— Давай деньги. Я сбегая.

Ахмет достал, дал Алексею деньги, и тот направился в поселок. Ахмет вышел с ведром и табличкой на дорогу. Ему повезло. Остановился фургон. Подошел с большой стеклянной банкой водитель и забрал все молоко.

Вернулся Алексей. Положил на рюкзак хлеб, достал из кармана начатую уже пачку сигарет, протянул Ахмету.

— Закуривай.

— Не курю, — хмуро ответил Ахмет.

— А я курю. Там сдача оставалась. Я купил сигареты. Не возражаешь?

Ахмет неопределенно пожал плечами, но ничего не сказал.

Днем вдоль дороги они шли уже втроем. Вечером остановились на окраине какого-то поселка. Ахмет подоил корову, пустил ее пастись. Поели молока с хлебом. Ахмет взял ведро с остатками молока, сказал Алексею:

— Я пойду, попробую продать остатки.

— Купи там что-нибудь. Колбасы или консервов. Есть охота.

Когда Ахмет вернулся, Алексей спросил его:

— Купил что-нибудь?

— Нет. Денег мало. В следующий раз найдем, где рыбу ловить, уху сварим.

— Ты что, так и живешь на молоке да ухе?

— Да. Еще овощи: картошку, морковь, лук покупаю.

— Не густо, — усмехнулся Алексей. — Так мы далеко не уйдем.

Утром Ахмет подоил корову, позавтракали молоком и хлебом. Ахмет взял ведро с остатками молока, пошел в поселок. Вернулся с хлебом и картошкой.

— Если вечером рыбу не наловим, картошки сварим.

— Ну ты расщедрился, — съязвил Алексей. — Прямо по-царски.

Ахмет бросил на него косой взгляд, но промолчал.

Днем шли по дороге...

Вечером снова остановились у какого-то поселка. Ахмет подоил корову, поели молока с хлебом. Ахмет взял ведро с остатками молока, пошел продавать. Когда вернулся, сварили картошку, поели. Прилегли воле костра. Было уже темно. Ахмет смотрел в огонь, Алексей курил.

— Не надоело тебе впроголодь таскаться по дорогам? — спросил Алексей.

— А что делать? — равнодушно, вопросом на вопрос, ответил Ахмет.

— В Москву надо подаваться. Там прокормиться не сложно. Для начала можно сигаретами торговать. Покупать блоками, продавать в розницу. Возле метро, на пригородных станциях, на рынках. Короче, почти везде. Там даже бабки старые торгуют. Надо только для начала небольшой капитал, чтобы было на что купить блоки разных марок. Подешевле и подороже. И вообще, определенный объем должен быть. С одного блока много не наваришь. Нормальные деньги можно получить только, если продать некоторое количество.

Я думаю, нам надо будет продать корову и на эти деньги начать. Вполне хватит для раскрутки.

— Я Мануш не собираюсь продавать.

— Ты не торопись. Подумай. Лето все равно кончится. Самому приткнуться можно везде, а корову куда денешь?

Ей помещение соответствующее нужно. И кормить чем-то. Трава-то зимой не растет.

— Я ее продавать не собираюсь!

— Ну вот, заладил. Не собираюсь, не собираюсь. Я же тебе дело говорю. Очень неплохо можно раскрутиться. Хитрого здесь ничего нет. Оптом купил — в розницу продал. Купил — продал. Купил — продал. Если тебе уж так нужна корова, к весне у тебя денег будет — не одну корову можно купить. Купи и снова с коровой гуляй, если тебе уж так нравится.

— Слушай. Я же тебя не звал. Сам пришел. Я тебя не держу. Езжай куда хочешь. Хоть в Москву, хоть в Ленинград. Продавай, покупай, что хочешь.

— Ну ты упрямый. Как осел. Я же как лучше хочу.

— Не надо мне твоего лучше! И вообще, отстань от меня! Вон дорога! Иди!

Наступила тягостная пауза.

— Ладно. Не заводись. Не хочешь — не надо.

Утром Ахмет, как всегда, подоил корову. Они с Алексеем позавтракали и Ахмет пошел в поселок продавать остатки молока. Когда он вернулся, ни Алексея, ни Мануш на месте не было. Рюкзак тоже исчез. Ахмет все понял. С ведром в руке он выскочил на дорогу. Дорога была пуста. Ахмет побежал в том направлении, в котором они вчера шли. Минут через десять повернул обратно. Миновал стоянку, еще пробежал какое-то расстояние и тут увидел первую свежую «лепешку». Понял — бежит правильно. Далее внимательно смотрел по сторонам. Нет ли следов, не свернули в сторону? Но вот они и показались.

Алексей услышал топот сзади, обернулся. Сбросил рюкзак, схватил, попавшийся на глаза, камень и попытался ударить им подбежавшего Ахмета. Ахмет защитился ведром. Началась яростная драка двух злых неумелых бойцов. Они молотили кулаками, пинали ногами, сцепились и упали на землю, продолжая хрипеть и возиться.

Случайно проезжавшая мимо, милицмейская машина остановилась. Из нее выскочили четверо милиционеров, подбежали и растащили дерущихся. Надели на обоих наручники. Старший среди милиционеров, капитан спросил:

— В чем дело?

— Корову украл, гад! — первым нашелся Алексей.

— Я украл?! — Наглая ложь поразила Ахмета.

— Ты, сволочь! — Алексей дернулся к Ахмету, изловчился и пнул его ногой.

— Ведите обоих в машину, — распорядился капитан. — В отделении разберемся. Колесников, останешься с коровой и вещами. Я за тобой пришло.

В машине Алексей непрерывно ругался, проклинал черных, которые его достали.

— Понаехали, сволочи, житья нет. Наглые — до предела. Воруют уже в открытую. Так достали, так достали — сил нет.

— Нас они тоже достали, — поддержал один из милиционеров.

Сочувствие добавило пыла Алексею.

— Надо кончать это, братцы! Надо кончать! — стонал он. — Мочи нет!

— Ладно. Приедем — разберемся. А пока помолчи, — остановил его капитан.

В отделении задержанных развели по разным камерам. Первым капитан вызвал Алексея.

— Рассказывай.

— В Грозном я жил, — начал Алексей. — Работал в ЖЭКе сантехником. Когда началась заваруха, пришлось бежать. В чем был, в том и бежал. Все пропало. Вещи, документы, деньги. Все... — Всхлипнул, утерся. — Мотался. Работы нигде нет. Так, подрабатывал иногда. Кто наймет. На постоянную работу устроиться не удавалось. Решил к бабке податься. Она у меня тоже на Кавказе в селе жила. Раньше боялся. Поймают — уведут в горы. А тут — решился.

Приперло очень... Ну, добрался, а она, как раз недавно, умерла. В доме уже другие живут. Тоже родственники. Дальние. Мне от бабкиного наследства корову выделили. Вот и побрели мы с ней.

— Далековато ты забрел, — заметил капитан.

— Я ее пытался продать, но у народа в селах денег нет. А на мясо в город, мне ее жалко... Предлагали мне ерунду, но за бесценок тоже отдавать неохота. Вот потихоньку и шли. Пока этот козел не попался. Я его сначала пожалел. Накормил. А он, когда я отошел ненадолго, увел корову. И рюкзак забрал. Но далеко он не успел уйти. Догнал. А тут — вы. Остальное уже знаете.

— Хорошо. Сейчас тебе дадут бумагу, авторучку, отведут в камеру и ты, все, что рассказал, напишешь. Еще напиши фамилию, имя, отчество, год рождения, где родился, где жил, работал. В общем, всю биографию. Понял?

— Товарищ капитан, столько писать. Что я, писатель? Со школы терпеть не могу ручкой калякать. Я же все рассказал. Что не ясно, спрашивайте. Отвечу... А?.. Товарищ капитан?..

— Ничего, напишешь. Такой порядок... Галушкин! — Вошел милиционер. — Отведи его в камеру, дай бумагу и авторучку.

— Товарищ капитан... — заныл, было, Алексей.

— Все. Идите.

Затем привели Ахмета... Капитан смотрит его паспорт. Лицо у капитана полное, на вид, туповатое.

— Слушаю вас.

— Что говорить? — не понял Ахмет.

— Все. Место жительства, работа, если работаете. Если нет, то почему. Как здесь оказались, почему украли корову. Все.

— Я не воровал корову. Это моя корова. Она мне в наследство досталась после смерти бабки.

— Очень интересно, — усмехнулся капитан. — Выходит у вас тоже бабка умерла и тоже в наследство оставила корову. Это что? Мода теперь такая, корову внукам в

наследство оставлять?.. И потом, не кажется ли вам странным, что две разные бабки оставляют своим внукам в наследство одну и ту же корову? Лично я, первый раз слышу про такое чудо. Или у вас бабка обаяла?

— Я его первый раз увидел несколько дней назад.

— Тогда почему вы оба рассказываете мне одну и ту же сказку?

— Не знаю.

— А кто знает? Я тоже не знаю. К сожалению, не экстрасенс. Так что давайте, объясняйте. Кто вы? Откуда и как попала к вам корова, если она ваша. Желательно, откровенно. Сказки рассказывать мне не надо. Возраст не тот. Вам ясно? — Ахмет молчит. — Не слышу ответа. — Ахмет молчит. — В молчанку тоже играть не надо. Бесполезно. Рано или поздно, говорить придется. Лучше рано, чем поздно. В ваших же интересах... Галушкин! — Вошел милиционер. — Отведи его в камеру и дай бумагу с авторучкой. — Обращается к Ахмету. — В письменном виде изложите автобиографические данные, а так же, все, что касается коровы и вашего появления здесь.

Ахмета увели. После того, как подозреваемые написали объяснения, капитан велел доставить обоих к нему. Первым Галушкин привел Алексея.

— Садись, — указал капитан Алексею на стул слева от своего стола. — Галушкин, присматривай за ним.

Другой милиционер привел Ахмета. Капитан указал Ахмету на стул справа от стола.

— Садитесь. Мухин, присматривай... Значит так, господа. У меня на столе ваши объяснения, в которых вы оба, если не считать деталей, излагаете одну и ту же версию появления у вас коровы. Как это понимать?

— Вот гад! Я же ему все это рассказал. — В отчаянии Алексей крутит головой. — Ну, гад! Ну, гад!..

— А вы что скажете? — спросил Ахмета капитан. (Ахмет тоскливым взглядом посмотрел на капитана, отвернулся.) — Что молчите? Сказать нечего?

— Врет он, — глухо, не глядя на капитана, ответил Ахмет. — Я ему рассказал это.

Алексей вскочил, рванулся к Ахмету. Галушкин пытается удержать его.

— Сволочь! Мразь поганая! Я тебя... — хрипит Алексей, так как милиционер зажал его шею.

Ахмет неподвижно, искоса смотрит на все это. Мухин, на всякий случай, встал между ним и Алексеем. Капитан сидит, посматривает на того и другого.

— Ну, хватит! — резко командует капитан. — Нечего мне здесь цирк устраивать! — Алексей сразу как-то обмяк. — Уведите обоих.

Вечером в кабинет капитана вошел Галушкин.

— Товарищ капитан, кавказец просит, чтобы напоили, накормили и подоили корову.

Капитан посмотрел на Галушкина, задумчиво произнес:

— А ведь это мысль.

Во дворе отделения собрались любопытные милиционеры. Возле ограды привязана корова. Здесь же стоит капитан. Выводят Алексея, затем Ахмета. Ставят их поодаль друг от друга. Капитан дает знак одному из милиционеров.

— Дай ему ведро, — показывает на Алексея. Милиционер дает тому ведро. Пауза. Алексей ничего не понимает. — Ну, что же ты? — говорит капитан Алексею. — Иди, дои свою корову. Пора уже.

— Так я не умею. — Алексей побледнел.

— А как же ты обходился? Корову доить надо. Не может она без этого.

— Так я баб просил.

— И посреди дороги тоже?

— Да, — растерянно ответил Алексей. — Ловил кто проедет... Или до поселка шел.

— Понятно... Возьми у него ведро, дай этому, — показал капитан милиционеру на Ахмета.

— Воды надо, — попросил Ахмет. — Руки помыть, вымя помыть. Заболеть может.

— Принеси ему графин из моего кабинета, — приказал капитан.

Милиционер сходил за графином с водой.

— Полей. — Ахмет помыл руки, взял графин, сполоснул вымя корове. Отдал графин, взял ведро и принялся доить.

— Ну и что?! — со злостью воскликнул Алексей. — Может, он раньше где-то научился. А вы ему верите.

— Я бы, может, и не поверил, — ответил капитан. — Да корова ему доверяет.

Кабинет капитана. За столом капитан, напротив Ахмет.

— Куда ты теперь? — поинтересовался капитан.

— Не знаю.

— Устроиться тебе куда-нибудь на работу надо. С общением.

— А корову куда?

— Продай. Другого выхода нет.

— Не могу я ее продать, — отвернувшись, сказал Ахмет. — Ближе ее у меня никого нет. И кроме этой коровы, я никому не нужен.

Помолчали. Ахмет повернул голову, посмотрел на капитана.

— Почему у меня так получается, товарищ капитан?

— Не один ты, — вздохнул капитан. — Время такое... Подлое... Воровское... Воруют больше всего наверху. На глазах у всех. Безнаказанно!.. Все это знают. Об этом в газетах пишут. Кто конкретно, и как украл. А этот вор улыбается нам с экрана и учит нас демократии... Получается, можно воровать... Вот и понеслось. Наперегонки. МММ, Гермесы, бизнесмены, бандиты, чиновники и разная мелкая шваль. Никак остановиться не можем... Тебе я могу только посоветовать — будь осторожней. Очень ты доверчивый. Сейчас столько мрази всякой шатается. За копейку убьют — не поморщатся.

Днем, как обычно, Ахмет с Мануш шли вдоль дороги. К ночи, неподалеку от дороги, устроились на ночлег. Утром Ахмет подоил Мануш, позавтракал и вышел на дорогу продать остатки молока.

Пустое шоссе. У дроги сидит Ахмет. Рядом ведро, к нему прислонена картонка с надписью: «Продается парное молоко». Недалеко от дороги стоянка Ахмета и, пасущаяся, Мануш. Проезжая, легковая машина притормаживает и сдает обратно. В автомобиле три молодые женщины. Поравнявшись с Ахметом, они выглядывают из машины.

— Вы действительно продаете молоко? — спрашивает женщина за рулем.

— Да. Продаю. Вот, — Ахмет показал молоко в ведре.

— Надо же, какой сервис на наших Российских автобанах, — с иронией замечает ее соседка. — На проклятом Западе такого нет. Зинаида, — обращается она к подруге на заднем сиденье. — Есть на Западе такой сервис: парное молоко в пути?

— Нет.

— Наконец-то мы их переплюнули, — продолжила женщина с переднего сиденья. — Молодой человек, вы знаете, что отстояли честь страны в соревновании с загнивающим Западом?

— Нет. Не знаю.

— Вот они, неизвестные наши герои, — поддержала шутку водитель. — Делают молча свое дело, и не думают о славе. Наталья, ты должна написать очерк.

— Почему не думают? — включился в игру Ахмет. — Вы доедете до Москвы и пришлете нам с Мануш орден.

— О-о! Браво, браво! — зааплодировали женщины.

— Как я понимаю, вы куда-то идете. Куда, если не секрет? — поинтересовалась водитель.

— Прямо вперед, — показал рукой Ахмет.

— Ответ достойный, но все же, народ желает знать, куда могут идти два таких путешественника? — продолжала настаивать водитель.

— Пока не знаю, — сказал Ахмет. — Мы просто идем. Если понравится где-то и удастся устроиться, остановимся, будем жить.

— Что, действительно? — поразились Наталья — соседка водителя.

— Да.

— С коровой через пространство и континенты. Оригинально. По-моему такого еще не было? — обратилась Наталья к подругам. — На машинах, велосипедах, самолетах было, с коровой еще не было. Молодой человек, вы можете попасть в книгу рекордов. Мы вам завидуем.

— Зачем завидовать? Выходите из машины и идемте вместе, — улынулся Ахмет.

— Ну, что вы, — дала задний ход Наталья. — С нашей стороны это было бы нечестно — лишать вас заслуженной славы.

— Ага. Сразу в кусты, — поддела подругу водитель. — Правильно, так их, молодой человек. А то все хиханьки да хаханьки. Как до дела, тут-то мы и поджали хвост.

— Почему поджали? — возразила, Зинаида. — Я, например, охотно принимаю предложение.

Она вышла из машины и направилась к багажнику.

— Я пошутил, — забеспокоился Ахмет.

— А-а! Напугался! — обрадовалась Наталья. — Вот они отважные мужчины. Зинаида, мы победили! Ура-а!

— Зинаида, возвращайся, — позвала водитель. — Благодаря твоему мужеству нам удалось отстоять свою честь.

— Нет, девочки. Я с детства мечтала пойти туда, куда глаза глядят. Как раз удобный случай осуществить свою мечту. — Зинаида открыла багажник, достала рюкзак.

— Ты серьезно, что ли? — с тревогой спросила Наталья.

— Конечно. — Зинаида, похоже, не шутила. — Лучший способ провести остаток отпуска я вряд ли придумаю.

Женщины почувствовали серьезность намерения, выскочили из машины, накинлись на подругу:

— Ты что, шуток не понимаешь?

— Обалдела.

— Не отговаривайте, девочки, — отбивалась Зинаида. — Я все решила.

— Тронулась. Точно. Зинаида, это же не серьезно.

— Зинаида, кончай! Всему есть предел! — Водитель попыталась водворить рюкзак на место.

Зинаида решительно пресекла эти попытки.

— Не приставай! Я все решила. — Достала еще сумку. Из других сумок принялась что-то перекладывать, запихивать в свою сумку.

Ахмет робко вставляет:

— Я просто так сказал.

Но на него никто не обращает внимания. Наталья еще раз пытается образумить подругу.

— Зинаида...

— Все! Все! — перебивает ее Зинаида. Продолжает собирать свои вещи. Подруги в шоке, не знают что еще сказать, что сделать. Зинаида заканчивает собирать вещи. — Кажется, все.

— Зинаида, опомнись. Ты же первый раз видишь человека, — приводит последний аргумент водитель.

Зинаида обращается к Ахмету:

— Молодой человек, я иду с вами. Но предупреждаю сразу — никаких романтических поползновений. Я говорю, чтобы не было никаких надежд на этот счет. Ничего. Понятно? — Ахмет промолчал, потому что ничего не понял. — На всякий случай показываю. — Она достала из сумки пистолет. — Газовый пистолет... Это, — достала баллончик, — баллончик с нервно-паралитическим газом. Он всегда будет при мне. Кроме того, я посещала курсы карате. Подруги могут подтвердить.

— Тронулась. Точно. Тронулась, — бормочет Наталья.

— Девочки, бай, бай. Встретимся дома. — Зинаида взяла сумку. — Молодой человек, захватите рюкзак.

Зинаида с сумкой решительно направилась к стоянке Ахмета.

— Она сама, — виновато развел руками Ахмет.

Подруги в растерянности смотрят вслед Зинаиде.

— Чокнутая. — Наталья стучит себя по голове.

— Что ты, Зинаиду не знаешь? — с горечью говорит водитель. — Она же как танк... Ладно. Поехали.

Подруги сели в машину, уехали. Ахмету ничего не оставалось, как взять рюкзак и отнести его к стоянке. На стоянке произошел разговор.

— Меня, вы слышали, зовут Зинаида. А вас как?

— Ахмет.

— Очень приятно.

— Вам будет не интересно, — попытался обрисовать реальную картину Ахмет. — Мы просто идем с Мануш вдоль дороги. К вечеру стараемся остановиться где-нибудь у воды или поселка. Мануш ест траву, я иногда ловлю рыбу. Как подою Мануш, стараюсь продать молоко. Вот и все. Ничего интересного.

— Позвольте мне самой решать, что мне интересно. Мне как раз нужна такая растительная жизнь. От цивилизации тоже устаешь. Так что за меня не беспокойтесь. Лучше расскажите о планах на сегодняшний день.

— Сейчас Мануш пасется. Я продам остатки молока, подожду еще, пока она поест траву. Потом мы пойдем по дороге. Сегодня не будем долго идти, вам будет тяжело. Остановимся где-нибудь и будем заниматься вечерними делами.

— Очень хорошо. Тогда я пока читаю книгу. Взяла с собой, но ни разу не раскрыла, все недосуг. Когда надо будет идти, вы мне скажете.

Вдоль дороги идут: Ахмет с ведром и двумя рюкзаками (один на спине, другой на груди). За ним на поводку — Мануш. Замыкает шествие Зинаида с сумкой.

Вечер. Ахмет подоил корову, наливает из ведра в кружку молоко.

— Ахмет, что вы собираетесь делать? — останавливает его Зинаида.

— Молоко пить.

— Ни в коем случае. Молоко надо кипятить. Дайте сюда, — Зинаида берет у него кружку, выливает в ведро. — Его надо вскипятить, потом можно пить без опасений.

— Мы всегда пили парное молоко.

— Это до поры — до времени. Сейчас экология, знаете какая? Кругом туберкулез, холера, СПИД. У вас котелок был. Доставайте... Доставайте, доставайте. Сейчас мы разожжем костер и вскипятим. Это недолго, зато будем спокойны.

Ахмет покорно достал котелок и принялся разжигать костер. Разжег, повесил над огнем котелок с молоком. Взял ведро с остатками молока.

— Вы посмотрите за молоком, — попросил Зинаиду. — Я схожу в поселок, продам остатки молока и куплю хлеба.

— Подождите. — Зинаида достала деньги, дала Ахмету. — Купите заодно колбасы, сыру, фруктов.

— Сколько чего купить?

— Купите по своему усмотрению. Не экономьте. Деньги у меня есть. Кстати, ведро с молоком можете не таскать с собой. Оставьте.

— Пропадет молоко.

— Ничего. Невелика потеря. Денег хватит. — Ахмет замялся. Зинаида заметила его нерешительность. — Не смущайтесь. Я хорошо зарабатываю. Для меня это не накладно. — Ахмет пошел с ведром. — Все же берете ведро? Ну и напрасно. Оно вам только мешать будет.

— Оно легкое, — возразил Ахмет.

— Ну, как знаете...

Днем, когда вновь шли вдоль дороги, Зинаида попросила:

— Ахмет, давайте отдохнем.

Ахмет сошел с дороги, снял рюкзаки, отправил Мануш пастиись. Усталая Зинаида села на свой рюкзак.

— Устали? Я же говорил.

— Я как-то иначе представляла себе это. Не столь однообразно и утомительно. Вы не возражаете, если я оста-

новлю попутку и поеду на машине вперед. Через некоторое время сойду и буду вас ждать. Все равно вы будете идти по дороге. Не так ли?

— Конечно, поезжайте. Мы с Мануш привыкли, а вам тяжело. Поезжайте дальше. Мы потихоньку дойдем.

Ахмет и Мануш со своим скарбом продолжают путь вдвоем.

— Хорошо, что она уехала, Мануш, — говорит Ахмет. — Человек она неплохой, но лучше мы с тобой вдвоем. Потихоньку... Ты занята своим делом, я — своим. Не мешаем друг другу, не советуем. Я вот не советую тебе, какую траву есть, и ты не советуешь, какое молоко мне пить: парное или кипяченое.

Однако Ахмета постигло разочарование. К концу дня, впереди, в тени деревьев, он увидел Зинаиду. Она тоже увидела их и замахала рукой.

— Похоже, мы рано радовались, Мануш.

Вечер. Ахмет доит корову. Зинаида, от нечего делать, наблюдает за ним.

— Извините, Ахмет, но, мне кажется, вы слишком сильно тянете за соски. Помягче немного. Животные любят ласку.

Ахмет встал, показал, что уступает место. Зинаиду предложение не обрадовало.

— Ну-у, вы не так поняли. Я только хотела посоветовать.

— Советы давать легко. Вы покажите. Может, правда, так лучше?

Пауза. Зинаида колеблется.

— Это женская работа, — добавляет Ахмет.

— Ну, что ж, — решается Зинаида. — Попробуем. Это даже любопытно.

Она присаживается, пробует. Корова дернулась, переступила, опрокинула ведро с молоком и еще хлестнула хвостом. Зинаида повалилась на бок, вскрикнула: «О-ой!» — И на коленях отползла в сторону.

Ахмет кинулся придерживать, успокаивать корову:

— Мануш, Мануш. Что ты? Так нельзя. — Спросил Зинаиду: — вы не ушиблись?

— Нет. Молоко вот только пролилось.

— Ничего, — успокоил Ахмет. — Я не все выдоил. Еще осталось.

Темно. У костра Ахмет и Зинаида.

— Я за вами эти дни наблюдала, — произносит Зинаида. — Вам надо жить в селе. Вы по складу характера сельский житель. Спокойный, неторопливый.

— Я в городе жил. Работал на заводе.

— Ерунда. Это стечение обстоятельств. Вы созданы для сельской жизни. Я же вижу. Если вам нравится с железками возиться, можете на трактор пойти, в ремонтные мастерские какие-нибудь. Женитесь на сельской девушке, она будет на ферме работать. Дояркой. С ней вы найдете общий язык. Она работает с коровами, вы тоже их любите. Вот, пожалуйста, общий интерес. Дети тоже животных будут любить. Девочка, например, тоже дояркой может стать. А мальчик, как вы — механизатором. Если захотят учиться, могут пойти в Ветеринарную Академию. Прекрасная профессия для села и, к тому же, — призвание. Великолепное сочетание. Уверяю вас, вы будете счастливы.

— Вам тоже надо поехать в село. Выйдете замуж за агронома или председателя. Даже сами можете стать председателем.

— Не иронизируйте. Я сама знаю, что мне надо. Для села я не создана. Это уж точно.

— А где вы работаете? — поинтересовался Ахмет.

— В серьезной фирме. Я специалист по маркетингу.

— Я тоже знал одного специалиста по маркетингу.

— Где он работает?

— Сейчас, наверное, в тюрьме сидит.

— Да?.. Ну это, видимо, он на очень высоком уровне работал. Я специалист среднего уровня. Надеюсь, моя чаша минует.

Светаёт. На коврикe, в спальном мешке спит Зинаида. Ахмет — под боком у Мануш. Он просыпается. Смотрит на спящую Зинаиду, осторожно встает, собирает в рюкзак свои вещи. Берет за повод Мануш, тихо отводит ее в стору. Возвращается, берет свои вещи и осторожно идет к Мануш. Вместе они уходят к дальним кустарникам. Там Ахмет пускает Мануш пастись, а сам возвращается немного назад и ложится за кустами. Так, что ему видно пасущуюся Мануш и стоянку со спящей Зинаидой.

Когда уже совсем рассвело, взошло солнце, проснулась Зинаида. Вылезла из мешка и обнаружила, что на стоянке нет ни коровы, ни Ахмета, ни его вещей. Зинаида все поняла.

— Сбежал!.. Трус несчастный!

Она привела себя в порядок, позавтракала, собрала свои вещи и вышла с ними на дорогу. Вскоре, остановила попутную машину и уехала.

Увидев ее отъезд, Ахмет с вещами и коровой вернулся на стоянку. Там подоил корову, и с удовольствием, прямо из ведра попил парного молока.

Ахмет с Мануш идут по обочине шоссе. Навстречу им едет машина. В машине подруги Зинаиды и двое молодых мужчин. Машина останавливается возле Ахмета.

— А где Зинаида? — спросила из машины женщина-водитель.

Ахмет не ожидал их увидеть. Опешил. Все быстро выходят из машины и окружают Ахмета.

— Зинаида где? — напористо требует ответа первый мужчина.

— Уехала, — пришел в себя Ахмет.

— Куда уехала?

— Не знаю. Наверное, домой.

— Как это не знаете? — вступает в разговор второй мужчина. — Вы же вместе шли.

— Да. Вместе. Потом она уехала.
 — Почему уехала?
 — Не знаю. Наверное, домой захотела.
 — Слушай, ты лучше не темни нам, — говорит с угрозой первый мужчина.
 — Олег, погоди, — останавливает его водитель. — Молодой человек, объясните подробнее. Где наша подруга? Если уехала, то почему, что случилось. Вы поссорились?
 — Нет, не поссорились. Просто... — Ахмет замялся, не зная как объяснить свое бегство. — Просто мы с Мануш ушли...
 — Как ушли?! Ты же сказал, она уехала, — давит Олег.
 — Ну... Мы ушли, а она потом уехала.
 — Если вы ушли, откуда тогда знаете, что она уехала? — пытается разобраться второй мужчина.
 — Я смотрел, на всякий случай, — объясняет Ахмет. — Женщина одна, вдруг что случится.
 — Все равно непонятно, — недовольно крутит головой Олег. — Что-то он темнит.
 — Что вам непонятно? — вмешивается в разговор, молчавшая до этого, Наталья. — Вы только представьте: Зинаида и этот джентльмен с коровой... Поставьте себя на его место... Один на один с Зинаидой... Конечно, они с коровой сбежали... Но на всякий случай, он отследил, что Зинаида благополучно села в машину и со спокойной душой пошел дальше. Вот и все.
 — Да... В этом есть какая-то логика, — соглашается второй мужчина.
 — Но все же, — уточняет водитель. — Почему вы решили ее покинуть?
 — Ну-у... — Ахмет соображает, как ему лучше объяснить. — Она... Советы давала.
 — Например?
 — Как корову доить.
 — О-о, она в этом деле крупный специалист, — усмехается второй мужчина.

— Молоко парное не разрешала пить, — продолжает Ахмет. — Только кипяченое.
 — Вот. Что я вам говорила, — с нотками торжества комментирует Наталья.
 — А вы ее за эти советы, случаем, не того? — показывает удар предметом по голове второй мужчина. — Томагавком? Я бы не удивился.
 — Он шутит, — успокаивает водитель. — Скажите, давно Зинаида уехала?
 — Позавчера утром.
 Друзья Зинаиды задумались.
 — Она, может, уже добралась? — высказывает предположение Наталья.
 — Вряд ли, — с сомнением говорит второй мужчина. — Она же на попутке уехала.
 — Звякни, на всякий случай, — предлагает Олег.
 Второй мужчина достал мобильный телефон, набрал номер. После серии гудков на том конце сняли трубку.
 — Зинаида, ты? А мы тебя ищем. По всей стране. Вот твоего спутника разыскали. Терзаем его бедного: «Где Зинаида? Куда ты спрятал ее очаровательный труп?»... Ну, это ты зря... — Отнимает трубку от уха, качает головой, возводит очи к небу. Через некоторое время продолжает разговор. — Конечно. Мы все волновались.
 — Скажи, что я извиняюсь, — просит Ахмет.
 — Ястребиный коготь приносит свои извинения, — передает просьбу мужчина. — Зинаида! Я ушам своим не верю! Ястребиный коготь покорила сердце белой амазонки?.. Куда уж нам... До свидания, золотце. Привет от всех нас. — Убирает трубку. Обращается к Ахмету. — Вам, сударь, мадам приносит извинения и говорит, что она была не права.
 Раздаются возгласы удивления:
 — О-о. (Наталья.)
 — Это что-то новое. (Водитель.)
 — Такого мы еще не слышали. (Олег.)

— Должно быть, молодой человек, в Вас что-то есть. — Наталья таращит на Ахмета глаза. — Демоническое. Придется взять ваш телефончик.

— У меня нет телефона, — не понимает шутку Ахмет.

— Наталья, не пугай человека. Он и так натерпелся, — вступает за Ахмета водитель. — Не обращайтесь на нее внимания, молодой человек.

— Сударь, примите наши глубочайшие извинения, — протягивает руку второй мужчина. Ахмет пожимает ее.

— А так же пожелания счастливого пути Вам и вашей очаровательной корове, — прощается Наталья.

— До свидания, — прощается водитель.

— Счастливого, — прощается за руку Олег.

— До свидания, — прощается с ними Ахмет. — Вам тоже, счастливого пути.

Вечером Ахмет остановился возле небольшого городка. Приятный уголок. Небольшое озеро, луг. Ахмет подоил корову. Сходил с Мануш в город, продал молоко, купил хлеба. Вернулся, пустил Мануш пастись. Наловил рыбешек, сварил уху, поужинал. Посидел немного возле костра и пристроился возле Мануш на ночлег.

— Хорошее место, Мануш. Может остановиться нам здесь? Сколько можно идти? Пора уже к зиме готовиться. Сено для тебя на зиму надо, с жильем как-то устраиваться... Денег бы заработать. Тогда и с жильем можно было бы попробовать устроиться. Снять у кого-нибудь на зиму сарай. В крайнем случае, землянку можно попробовать соорудить на двоих. Например, здесь, на бугорке. Сено вот только где хранить? Возле землянки нельзя. Когда днем отойдешь, могут украсть или поджечь из балоства... Лучше, все же, сарай попробовать снять... Но сначала деньги заработать. Попробуем поискать работу.

Предлагая хозяевам домов молоко, Ахмет теперь спрашивал, нет ли у них для него работы: копать, ремонтировать, строить, электропроводку делать. Наконец,

ему повезло. Покупавший молоко мужчина задумался, затем ответил:

— Вообще-то, работа у меня есть. Гараж мне надо под одной крышей с сараем строить. Материал закупил. Помощник мне не помешал бы, потому что времени у меня мало. Работаю. Вечерами много не сделаешь. С инструментом приходилось дело иметь?

— Конечно, — ответил Ахмет. — Я на заводе работал. Электриком, наладчиком и другие работы приходилось выполнять. Строить тоже немного приходилось. У бабки в деревне.

— Это хорошо. Ладно, приходи. Попробуем. Я посмотрю, что ты можешь и ты присмотришься — стоит ли этим заниматься. И о цене поговорим.

— Когда приходиться?

— Хоть сегодня. Я целый день дома. Приходи, когда освободишься.

— Я сейчас продам остаток молока, — сказал Ахмет. — Потом за травой для коровы схожу, и мы придем. У тебя пустого мешка не найдется? Травы для коровы набрать.

— Поищем. — Мужчина ушел, вернулся с мешком. — Подойдет?

— Подойдет. Я рюкзак оставляю?

— Оставляй.

Ахмет снял рюкзак, представился:

— Меня Ахмет зовут.

— Меня Михаил. — Пожали руки. — Значит, жду тебя, Ахмет.

— Да. Я постараюсь побыстрее.

Ахмет с Михаилом копают яму. Подошла жена Михаила — Надежда, позвала ужинать.

Помыли руки, пришли на кухню, сели за стол. Надежда подала им тарелки с едой. За ужином говорили о работе.

— Сегодня яму закончим, — сказал Михаил. — Завтра бетонировать начнем.

— Арматуру надо, — напомнил Ахмет. — У тебя есть что-нибудь? Прутья, проволока, куски какого-нибудь железа. Можно связать арматуру.

— Что-нибудь найдем. Не хватит, я со свалки привезу.

— Песок я видел. Цемент есть?

— Цемента достаточно. И на погреб, и на фундамент должно хватить.

— Балки на перекрытие?

— Пока нет. Я думаю, как яму забетонируем, фундаментом, стенами займемся. За это время я что-нибудь с балками придумаю.

— Лучше сразу на яму перекрытие сделать, — посоветовал Ахмет. — Не удобно будет вокруг открытой ямы строить. Давай поищем. Может, что подходящее найдем. Не найдем, купить придется.

— Хорошо. Я завтра после работы займусь этим.

После ужина закончили яму. Ахмет подоил корову, сходил, продал молоко. Уже в сумерках стал собираться уходить.

— Куда ты? Оставайся, — предложил Михаил. — Здесь переночуешь.

Ахмет отказался.

— Травы мало, — пояснил отказ. — Я косу купил. Побольше заготовлю, тогда можно будет у тебя ночевать. Завтра утром, как подою, траву заготовлю, мы с Мануш придем. Молоко продам, и можно будет продолжить.

— Меня к тому времени уже дома не будет.

— Тогда ты доски на опалубку приготовь, или скажи где взять.

— Я жене скажу, она покажет.

— Железо, проволоку для арматуры.

— Приготовлю, что есть.

— Тогда, до завтра.

Попрощались. Ахмет взял рюкзак с ведром, и они с Мануш ушли.

Днем Ахмет работал один. Сколачивал щит для опалубки, вязал арматуру. В обед Надежда пригласила его за стол. Вечером пришел Михаил, осмотрел сделанное.

— Я смотрю, ты продвинулся.

Ахмет, к тому времени, сделал щит, закрепил его вдоль стены погреба, вложил между стеной и щитом заготовленную арматуру и начал уже заливать бетон, который приготовил в старом корыте.

— Эту стену сегодня зальем, — объяснил Ахмет. — До завтра бетон схватится, можно будет щит снять и к другой стене поставить. Арматуры на завтра хватит, но на весь погреб маловато.

— Я завтра привезу, — пообещал Михаил. — Пошли, поужинаем, потом закончим стенку.

Перед сном Михаил с женой обменялись впечатлениями.

— Хорошо работает, — похвалил Михаил Ахмета.

— Да. Практически, без отдыха. Только на обед. Я ему говорила: «Перекури, Ахмет». Он улыбается: «Не курю», — говорит.

— Нормальный мужик.

— Ты уж, ему хорошо заплати.

— Конечно. Пашет, как трактор.

Дело движется. Уже стоят стены. Михаил и Ахмет работают вдвоем. Присели отдохнуть. Михаил закурил, спросил Ахмета:

— Ты курил когда-нибудь?

— В школе с друзьями начинал. Мать узнала, попросила не курить. Бросил. Не хотел огорчать. У нее сердце было большое.

— Как дальше жить думаешь?

— К зиме готовиться буду. Сено для Мануш надо заготовить. Я уже немного накопил, высушил, спрятал. Будет свободное время, продолжу. С жильем как-то надо решить. Если смогу подходящий сарай у кого-нибудь снять

за деньги, перезимуем там. Если нет, я уже присмотрел одно место. Выкопаю землянку, покрою крышей, сделаю печку, дверь с замком и мы с Мануш будем зимовать там. Самое сложное — где хранить сено. Возле землянки нельзя. Украдут или просто сожгут, когда мы с Мануш отойдем... Пока ничего не придумал.

— Привози ко мне, — предложил Михаил. — Сложим стог, укроем. Будешь потом по частям брать, когда потребуется.

— Не помешает тебе?

— Чем помешает? Места у меня полно, складывай, где хочешь.

— Спасибо. Это меня выручило бы.

— Мы и сарай из саманов можем у меня соорудить. С окном, с печкой, с дверью. Все, как положено.

— Нет. Спасибо, — отказался Ахмет. — То, что ты разрешил мне сено у тебя хранить, для меня уже большая помощь. Спасибо. Если я еще и поселюсь у тебя, люди будут говорить: «Зачем он тебе? Присосется, не выгонишь потом».

— Пусть говорят. Мне какое до них дело?

— Нет, Миша. Спасибо. Ты и так меня выручаешь. Мне давно никто не предлагал помощь. Один капитан сказал: «Время такое — воровское». Может, не до конца оно воровское?.. За меня не волнуйся. Самое тяжелое время я уже пережил. Когда без крыши над головой, без постоянной работы на улице оказался. Страх был внутри. Теперь я уже не боюсь. Лучше или хуже, мы с Мануш не пропадем. Это я твердо знаю. Нам с Мануш очень мало надо. Проживем.

— Ну, смотри. Трудно будет — приходи. Что-нибудь придумаем.

Ночь. Михаил с женой в постели.

— Ты с Ахметом больше дела имеешь, мне кажется, он неплохой человек? — спросила мужа Надежда.

— Нормальный мужик... Положение у него — не позавидаешь. Все потерял. Ни крыши над головой, ни работы, ни родных — ничего. Не унывает... Не ноет, не просит ничего.

— Я почему спрашиваю. Может, Ленку с ним познакомиться? Баба она, в общем, неплохая. Одинокая. По возрасту подходят. Вдруг приглянутся друг другу.

— Не терпится подругу пристроить?.. Шучу, шучу... Что ж. С Ленкой можно. Она — ничего... Кстати, повод хороший есть. Шифер не так давно купила. Крышу перекрыывать собирается. Пусть пригласит Ахмета. Мы скоро закончим, он с радостью согласится.

Надежда с подругой Леной на кухне. Пьют чай.

— Видела его? — поинтересовалась Надежда.

— Мельком. Когда проходила через двор.

— Ну и как?

— С виду, вроде, ничего. А так — кто его знает.

— Михаилу он нравится. Поработали вместе. Работящий, говорит, порядочный.

— А что у него случилось? Почему он один, да еще с коровой болтается?

— Обокрали его. Сначала завод, на котором он работал, закрылся. Он, видать, чем-то заняться решил, деньги у кого-то взял под залог квартиры. А приятель его и обокрал. Пришлось квартиру отдать. Поехал к бабке, хотел у нее пожить, а она, как раз перед этим померла. Приехал — в доме уже другие люди живут. Ему вот только корова и досталась. Так он с ней и мыкается вдвоем.

— Не знаешь, был раньше женат, нет?

— Вроде, нет. Михаил говорил, он с матерью вдвоем жил. Она у него больная была. Сердечница. Полтора года назад умерла. На него, видать, одно за другим посыпалось. Не даром говорят: «пришла беда — отвори ворота»... Но он духом не пал. За что мой его по-мужички уважает... И мне, кажется, человек он неплохой... Однако, все это, конечно, ерунда. Он может быть, хоть золотым. Вопрос

в том — найдете вы с ним общий язык или нет... Если тебя это интересует, можешь пригласить его поработать к себе. Тебе крышу перекрывать, вроде, надо. Сама говорила, шифер уже куплен. Вот тебе и повод. Пригласи его, он тебе сделает. На время работы посели его с коровой во дворе или сарае. Это уже, где он захочет. Пока работать будет — присмотришься. Помогать ему будешь в чем-то, кормить. Лучше способа узнать человека придумать трудно.

— Посмотреть можно, — согласилась Лена. — Действительно, мне все равно нанимать кого-то надо. Только ты Михаилу скажи, пусть он ему ничего не намекает.

— Само собой. Слава богу, не вчера на свет появились.

Накануне прихода Ахмета, Лена решила зайти к своей подруге — Татьяне. Поделиться. Разговор произошел в магазине, где Татьяна работала продавщицей.

— Ты с ума сошла, — накинулась Татьяна. — Селить у себя незнакомого мужика...

— Так ведь, в сарае только.

— Какая разница. Что ему, трудно ночью, когда ты будешь спать, в дом залезть? Стукнет по башке и иди — свищи его. Он же, как ветер в поле, нигде не живет.

— Михаил с Надеждой расхваливали его.

— Господи. Они что, пуд соли съели с ним? Сарай, видите ли, построили вместе. Михаил здоровый мужик, он с ним ниже травы. А ты — одинокая баба. Что с тобой церемониться?

— Не знаю. Я уже договорилась. Он сегодня придет.

— Откажи, придумай что-нибудь.

— Я так не могу, — покачала головой Лена. — Нет. Запрусь на все запоры и — будь, что будет.

— Дура ты... Ну, хотя бы, пригласи кого-нибудь ночевать.

— Кого? Все при деле. У всех свои заботы.

— Ну, хорошо... Я к тебе приду. Чего не сделаешь, ради подруги.

— Приходи. Посидим, потреплемся... И посмотришь на него.

За окнами темно, Лена с Татьяной укладываются спать.

— Все заперла? — спросила Татьяна.

— Все.

— Окна тоже?

— И окна тоже. Все, все. Обошла, проверила.

— Хорошо. Топор твой я себе беру. Под подушку положу. А ты возьми что-нибудь другое. Молоток, например.

— Ладно, — улыбнулась Лена. — Буду с молотком спать. В обнимку.

Возле застеленной постели в ночных рубашках стоят Татьяна, с топором на плече, и Лена с молотком.

— Товарищ командир, крепость к осаде готова, — докладывает Лена. — Можно выключать?

— Выключай.

Лена выключает свет, и они в темноте со смехом лезут в постель...

Через окно льется лунный свет. Лена и Татьяна спят. На кухне послышался шум. Татьяна подняла голову с подушки, прислушалась. Переждав немного, она вытащила топор из-под подушки, тихо встала и, держа перед собой топор, на цыпочках пошла на кухню. На кухне Татьяна задела ногой табуретку. Проснулась Лена и через дверной проем увидела в лунном свете тень руки с топором на кухонной стене.

От ужаса она дико завопила. Татьяна на кухне кинулась в спальню, наступила на кошку, с грохотом упала на пол. Кошачий визг, вопли обеих женщин. Татьяна на четвереньках с криком несется под кровать. Лена тоже скатывается с постели и лезет под кровать. Там они вцепились друг в друга и в два голоса орут.

Ахмет в сарае еще не спал, когда в доме раздались дикие вопли. Он в майке и трусах выскочил из сарая, стал стучать в дверь:

— Лена! Лена!

Разбежался, плечом вышиб дверь. С грохотом упал внутрь. Вопли заглохли. Ахмет включил свет.

— Лена! Лена! Где ты?

Обошел весь дом, везде включил свет, никого не нашел. В спальне постоял, посмотрел на пустую кровать, заглянул под кровать. Увидев его, обе женщины истошно завопили.

— Вы чего? — спросил их Ахмет.

Женщины, закрыв глаза, продолжали вопить. Ахмет пошел на кухню, набрал в ковшик воды. Женщины замолчали. Ахмет с ковшиком вернулся, встал на колени и снова заглянул под кровать. Ответом были вопли в два голоса с закрытыми глазами. Ахмет терпеливо ждал, смотрел на них. Лена закрыла рот, открыла глаза. Татьяна тоже замолчала. Ахмет осторожно протянул Лене ковшик с водой. Лена сначала, непонимающе, посмотрела на ковшик. Потом взяла его и стала пить. Напилась, посмотрела уже спокойно на Ахмета, протянула ковшик Татьяне. Та прильнула к ковшику.

— Вы чего кричите? Что случилось?.. Я лежал, вдруг слышу крики в доме. Подбежал, зову: «Лена, Лена». В ответ — ничего. Выбил дверь, включил свет — в доме пусто. Заглянул под кровать, там вы сидите и кричите... Что случилось?

Лена вылезла из-под кровати, за ней — Татьяна.

— Что случилось? — переспросил Ахмет.

— С топором кто-то был на кухне, — объяснила Лена.

— На кухне? — Ахмет пошел на кухню. Вернулся с топором, сообщил: — топор на полу, на кухне никого нет. — Пошел в другую комнату, вновь все осмотрел, заглянул в углы, вернулся в спальню. — Я все осмотрел — никого нет. Может, убежали через дверь?

— Танька, как топор оказался на кухне? — узнала свой топор Лена.

— Я услышала шум на кухне, пошла посмотреть. Тут ты закричала.

— Надо милицию вызвать, — озабоченно сказал Ахмет.

— Не надо никого вызывать, сами разберемся. — Лена пошла на кухню, подняла табуретку с пола. Из-под стола вылезла кошка.

— С дверью что делать? — спросил Ахмет. — Прибить крючок на место?

— Завтра прибудешь. Сейчас спать будем. — Лена выключила в других помещениях свет, легла в постель. Татьяна тоже полезла под одеяло. Ахмет направился к выходу.

— Свет выключи, — попросила Лена.

Ахмет выключил свет, вышел. Прикрыл аккуратно входную дверь, направился в сарай.

Когда на следующий день вечером Лена вернулась с работы, дверь была отремонтирована, Ахмет работал на крыше. Лена приготовила ужин, позвала Ахмета.

— Ахмет, спускайся, ужинать будем.

— Сейчас.

Ахмет спустился, помыл руки, сел за стол. Лена поставила ему тарелку с едой, наложила себе, присела рядом.

— Устал?

— Нет, — ответил Ахмет. — Работа не трудная. Снять старые листы шифера, прибить новые. На стыках только подгонять надо. Ничего сложного.

— Тебе раньше строить приходилось?

— Немного. В основном, у бабки. И друзьям иногда помогал... Хотел спросить у тебя. Можно я в сарай свет проведу? Кабель подходящий нашел, когда молоко ходил продавать.

— Проводи... Как ты там в сарае устроился? Может, тебе надо еще что-нибудь?

— Нет. Спасибо. Ничего не надо.

После ужина Ахмет еще немного поработал, потом пошел доить корову. Подошла Лена, с любопытством посмотрела, спросила:

— Доить ты у бабки в деревне научился?

— Нет. Это я, когда один с коровой остался. Пришлось научиться.

— Говорят, корова незнакомому человеку молока не даст.

— Да. Может не дать. Мне, например, пришлось ее уговаривать.

— И долго ты уговаривал?

— Нет. Она добрая. Пожалела меня.

— Трудно тебе с ней?

— Без нее было бы трудно. Она меня кормит, согревает, поддерживает... В трудную минуту посмотришь на нее... Стоит себе, жует спокойно. Не волнуется. Все нормально... И правда, думаю. Молоко у нас есть. С голоду не помру. Продать часть можно, денег немного будет. Руки — ноги целые, работу какую-нибудь найду, еще деньги будут... Наладится потихоньку.

— А мы никогда корову не держали. Только кур. Да и то очень давно.

— Ты с родителями жила?

— С родителями. Пока они живы были.

— Отчего умерли? Болели?

— Старые уже были. Я у них последняя. У меня еще брат и сестра есть. Но они намного старше меня.

— А я с матерью жил. Была у нас только кошка. Постоянно приносила котят. Этих котят я потом ходил, раздавал. После школы ходил по улицам, уговаривал взять котенка. Иногда друзья помогали. Некоторые топят в воде котят. Мы с матерью не могли.

— У нас и собаки были. Последний пес в прошлом году сдох. От старости. Сейчас только кошка. Тоже старая уже...

Ахмет кончил доить, предложил:

— Хочешь парного молока?

— Нет, — отказалась Лена. — Мы всегда молоко кипятили. Мало ли что.

— У Мануш молоко хорошее. Мы всегда его парное пили. Ничего плохого никогда не было. Неси посуду, я тебе налью. Не хочешь парное, вскипятишь потом.

Лена поднимается по лестнице, прислоненной к дому, подает Ахмету банку с шиферными гвоздями.

Замечает, что он слегка поранил руку.

— Где это ты? — показала на руку.

— Задел где-то. Не помню.

— Йодом смазать надо. Загноиться может.

— Ерунда, — отмахнулся Ахмет.

— Подожди, я сейчас схожу, принесу. Это недолго.

Лена спустилась, вернулась с пузырьком и ваткой.

— Давай руку.

Ахмет протянул. Лена смазывает. Ахмет морщится. Лена дует на смазаное место, приговаривает:

— У кошки заболи, у собачки заболи, а у Ахметика заживи.

Ахмет подносит руку к глазам, говорит:

— Уже почти зажило.

Оба засмеялись... Встретились взглядами, замолчали, глядя в глаза друг другу.

— Ты уже скоро закончишь, — с грустью заметила Лена.

— Да. Немного осталось.

Помолчали.

— Мне еще кое-что надо бы отремонтировать, — сказала Лена. — Забор, калитку, дом подкрасить. Сделаешь?

— Можно.

Лена отвела взгляд.

— Ты заканчивай. Я приготовлю, приходи ужинать.

Поздний вечер. Уже темно. Ахмет в сарае лежит на топчане, читает газету. К открытой двери подходит Лена.

— Ахмет. Иди в дом ночевать. Хватит тебе в сарае ютиться.

— Ничего, не беспокойся, — успокаивает ее Ахмет, продолжая читать. — Мне здесь хорошо.

— Мне плохо, — после паузы произносит Лена.

Ахмет откладывает газету, с удивлением смотрит на нее.

— Почему?

— Откуда ты такой? — качает головой Лена. — Неужели тебе объяснять надо?

Пауза. Ахмет непонимающе смотрит на нее.

— С ума сойти... Страшно мне. Страшно одной. Вдруг кто-нибудь опять с топором придет. Ты что, не знаешь — женщину надо оберегать, защищать... Вставай, вставай. Нечего разлеживаться. — Стягивает его за руку с топчана, тащит за собой в дом.

— Подожди, я подушку, одеяло возьму.

— Там все есть.

— Свет выключить надо, дверь закрыть.

Останавливаются. Ахмет выключает свет, закрывает дверь, и они идут в дом.

Вечер. Ахмет сидит за столом на кухне. Лена ставит ему тарелку. Он берет хлеб, начинает есть. Лена садится рядом, смотрит на него, старается прикоснуться, гладит брови, волосы.

— Расскажи, как ты жил здесь без меня? Целый день. Скучал?

— Некогда было. За травой ходил. Потом делал кое-что. Не заметил, как день пролетел.

— А я скучала. Думала все о тебе. Как ты там, что делаешь. — Обнимает его рукой за голову, слегка притягивает к себе, целует легкими прикосновениями губ в ухо, щеку. — Совсем, совсем не скучал?

— Я тоже думал о тебе. Все время. Я давно о тебе думаю.

Лена поворачивает его голову, продолжает целовать легким прикосновениями губ.

— Что ты думаешь обо мне? Расскажи.

— Разное.

— Что разное? Расскажи. Я хочу услышать.

— Я не знаю...

— Ну, расскажи... Хоть чуточку.

Ахмет отрицательно мотает головой.

— Хорошее думаешь?

— Конечно. Ты такая... Такая красивая...

— Я? Красивая? — Лена довольная улыбается.

— Очень. Как в кино.

— Вот не думала, — счастливо смеется Лена. — Вот не думала, что ты умеешь так врать. — Шутливо толкает его в лоб, встает.

— Почему врать? Я правду говорю.

— Ладно. Давай, ешь. Остынет. — Лена идет, берет тарелку, накладывает себе. — Завтра суббота. Давай сходим куда-нибудь.

— Давай. Тут место одно недалеко есть. Луг, озеро небольшое. Я до того, как с Михаилом познакомился, жил там несколько дней. Очень хорошее место. Искупаться можно. Даже рыбу половить. Удочка у меня есть.

На берегу небольшого озера. Ахмет и Лена лежат на подстилке, болтают.

— Конечно, плохо, что я квартиру потерял, — говорит Ахмет. — Это для меня такой удар был. Не знал как жить буду. Но, с другой стороны, без этого я бы с тобой не встретился. Даже не знал бы, что ты где-то живешь.

— И я не знала бы, что ты существуешь на свете.

— Еще, пока я шел, много интересного увидел, людей хороших повстречал. С Михаилом вот познакомился. Танкистов встретил. Если бы не они, не смог бы я спасти Мануш. Ничего бы без них не сделал... Иногда удивительные люди встречались. Когда я первый раз попал в милицию, познакомился там с одним человеком. Вместе в камере сидели. Знаешь, кто у него родственница?.. Королева.

— Какая королева?

— Английская. Елизавета вторая. Он ее Лизой называл.

— Английская королева? — Лена упала на спину и залилась смехом... — Ой, не могу... И ты поверил?

— Зря смеешься. Если бы ты слышала, как он ей звонил, ты бы не смеялась.

— Королеве?.. Из камеры?.. По телефону?

— Не по телефону. Телефона там нет. Он просто показывал, как звонил ей. Но, если бы ты слышала, ты бы поняла, что они — родственники, и что он сто раз ей звонил.

— Ахметик... Миленький... Ой, не могу... Родственник... Королевы.

Насмеявшись вволю, Лена склонилась над лежащим на спине, улыбающимся, Ахметом. Поцеловала его.

— Ахмет. Миленький. (Целует.) Ты совсем, как маленький. (Целует.) Почему ты у меня такой глупенький? — Целует долгим поцелуем. Ахмет ее обнимает...

Вечер. Лена приходит с работы. Дома никого нет. Заглянула в сарай, там тоже никого. Собрала на стол, села, поужинала в одиночестве. Стала готовить на завтра. Услышала, что возвращается Ахмет, выглянула. Ахмет несет на себе мешок с травой, ведет на поводу корову.

— Что так поздно, Ахмет?

— Сено готовил, траву собирал.

— Иди ужинать.

— Сейчас. Разложу траву, подою Мануш и приду.

Ахмет разбросал по земле, для просушки, траву. Подоил корову, отлил в банку, остатки понес продавать. Вернулся уже в сумерках. Помыл руки, сел за стол. Лена подала ему ужин. Вид у Ахмета усталый.

— Устал?

— Немного. Травы мало. Приходится все дальше уходить. Там клочок скосишь, здесь клочок. То, что подсохло, припрятать надо, потом с собой тоже набрать надо. Так время незаметно и пробежало.

— Много тебе еще?

— Много. Торопиться надо, время уходит.

Лена пришла с работы, дома никого. Поужинала. Пошла, включила телевизор. Вернулся Ахмет. Лена услышала, но не вышла, смотрела передачу. Ахмет из мешка разбросал сушиться траву, подоил корову, отлил молоко в банку, пошел, продал остатки. Вернулся, зашел на кухню. Лена крикнула из комнаты:

— Ужин на плите.

Ахмет наложил себе в тарелку, поел. Налил из банки молока, выпил. Зашел в комнату, спросил:

— Что смотришь?

— Фильм старый. Советских времен.

Ахмет сел на стул, тоже стал смотреть. Через некоторое время его уже клонило в сон. Лена искоса взглянула на него.

— Иди, ложись. Ты уже почти спишь.

— Да. Что-то в сон тянет. — Ахмет зевнул. — Пойду, лягу.

Лена в магазине у Татьяны. Та обслужила покупателя, подошла к подруге, поинтересовалась:

— Ну как вы?

— Ничего.

— Скучновата ты что-то для молодой жены.

— Мужа молодого мало вижу.

— Что так?

— Занят он все. С утра до вечера сено на зиму заготавливает. Торопится. Возвращается в сумерки. Пока подоит, пока поужинает. Уже и спать пора. Так и живем.

— Понятно. Хлопот полон рот, — подытожила Татьяна.

— Получается так.

— Я давно хочу спросить. На кой черт вам эта корова? Вас всего двое. Купили молоко в магазине и — всего делов.

— Не знаю, — ответила Лена. — Лично мне она не нужна.

— Так продайте. Тем более — впереди зима. Молока не будет. Толку от нее никакого, только хлопоты лишние. Самое время избавиться.

— Я бы продала, конечно. Боюсь, он не захочет. Уж очень он над ней трясется.

— А ты поговори. Объясни ситуацию. Смысла, ведь, держать ее — никакого.

— Ох, не знаю даже...

— Попробуй.

Поздний вечер. Лена из окна видит — возвращается Ахмет. На двухколесной тележке везет копну сена.

За тележкой на поводу корова. Ахмет сбросил с тележки сено, пошел доить корову...

Наконец пришел на кухню ужинать. Лена поставила ему тарелку, Ахмет устало принялся за еду.

— Ахмет. Ты из-за этого сена выматываешься совсем. Приходишь, только голову до подушки — и уже спишь. Похудел, вид усталый. Так тоже нельзя.

— Времени мало осталось, Лена. Не успеваю я. Скоро осень, дожди в любое время могут начаться. Пока сухо, надо торопиться.

— Может, продать ее тогда? Молоко можно и так купить.

— Нет, Лена. Продать Мануш я не могу... Нет.

Ахмет, в молчании доел, расстроенный вышел с кухни.

Сток сена стоит, укрытый сверху брезентом, перетянутый веревками, привязанными к кольям. Ахмет по хозяйски обходит вокруг, проверяет веревки. Лена стоит смотрит.

— Закончил свою эпопею?

— Да. На зиму должно хватить.

— Ну, слава богу. Теперь свободней будешь.

— Михаил работу предложил. Электриком у его знакомого на базе.

— Это совсем другое дело. А ты сможешь?

— Я работал электриком. До того, как в наладчики перейти.

— Договорился уже?

— Завтра думаю пойти.

Магазин. Ахмет стоит, смотрит, как Лена примеряет какую-то кофточку, крутится перед зеркалом.

— Ну как? — спрашивает Лена.

— Хорошо.

— У тебя все, что ни спроси — хорошо.

— Мне все нравится, что ты одеваешь.

— Такого не бывает. Какая-то вещь идет, какая-то — нет.

— Тебе все идет.

— А вот это уже подхалимаж, — улыбается Лена.

— Тогда это честный подхалимаж, — смеется Ахмет. — Потому что я честно говорю: — мне все нравится.

— Ничего ты не понимаешь. — Лена продолжает осматривать себя в зеркало. — Ты должен недостатки высматривать, которые я не вижу. А ты: «Все хорошо, все хорошо». Плохой из тебя консультант.

— Зато я хороший зритель. Мне все нравится.

На площади, на лавочке сидят трое приятелей.

— Пивка бы сейчас неплохо, — произнес один из них.

— М-м-да-а. Кружечек этак несколько... — мечтательно представил вслух второй.

— Кончайте душу травить, — оборвал их третий. — На пустой карман такие разговоры...

На другой стороне площади показался Ахмет. Внимание его привлек гипсовый бюст с облупившейся местами краской. Он нагнулся к постаменту, пытаясь прочесть замаскированную краской табличку.

— Не прочтает, — заметил первый приятель.

— Кто? — не понял второй.

— А вон тот лох, — показал на Ахмета первый приятель. — Ее уж сто лет, как не чистили. Мажут кистью по верху. Вместе с постаментом.

— Залетный, видать, — усмехнулся второй. — Нашим в голову не придет таблички читать.

Третий приятель внимательно посмотрел на Ахмета, бросил друзьям: — я сейчас. Подождите меня чуток. — Встал с лавочки, быстрым шагом пересек площадь, подошел к стоявшей на обочине легковой машине. Встал возле нее и положил руку на крышу автомобиля. Ахмет отошел от памятника, двинулся вдоль тротуара. Когда он поравнялся с машиной и третьим приятелем, тот окликнул Ахмета:

— Можно вас на минутку?

— Меня? — спросил Ахмет.

— Да. У меня к вам небольшая просьба. Не присмотрите за машиной? Мне надо в магазин отойти. Телевизор там

присмотрел. Я моментом, — сказал третий приятель уже на ходу, даже не получив согласия Ахмета. Быстро скрылся за углом здания.

Ахмет остался возле машины, оглядываясь по сторонам. Третий приятель в это время, пригнувшись, следил за ним из-за примыкающих к зданию кустов. Убедившись, что, кроме Ахмета, возле машины никого близко нет, он вернулся к машине.

— Вот не везет, — с досадой сказал третий приятель Ахмету. — Они там еще пять процентов — налог с продаж берут. За деньгами домой ехать надо... А я сюрприз домашним хотел сделать. Открываю дверь и — «опа» — новенький телевизор... Черт бы побрал этот налог. В ценниках не пишут... Слушай, друг. Выручи. А? Всего-то столтник... Я куплю и мы с тобой на машине через пять минут у меня. Я рядом живу. Метров пятьсот, не больше. Выручи. А?.. Я тебя тоже, при случае. Деньгами займы или привезти-отвезти куда. Заходи. Без вопросов... Выручай, друг.

Ахмет полез в карман, достал сто рублей. Радостный «покупатель» схватил деньги.

— Спасибо, друг. Я мигом.

Третий приятель скрылся за углом. Уже будучи за стеной, он махнул рукой своим друзьям, которые издали наблюдали происходящее. Те поднялись и быстро пошли с площади. Ахмет стоял, терпеливо ждал. Время шло, хозяин машины с телевизором не появлялся. Зато подошел какой-то мужчина и стал ключом открывать дверцу автомобиля.

— Эй! Ты чего? — схватил Ахмет за руку мужчину. — Чего лезешь в машину?

— Как это чего? — оторопел мужчина. — А в чем дело? — Раздраженно вырвал руку.

— Почему лезешь в чужую машину?

— Чего-о-о? — Мужчина решительно попытался вновь открыть машину. Но Ахмет ему не дал.

— Не трогай машину!

— Ты что, пьяный?! — возмутился мужчина. — А ну,

пошел! — Он с силой толкнул рукой в грудь Ахмета.

— Не трогай, я говорю! — схватил мужчину за руку Ахмет.

Между ними завязалась борьба, которую прервал оказавшийся неподалеку милиционер.

— В чем дело?

— Да вот, чего-то прицепился, — кивнул на Ахмета мужчина.

— В чужую машину залезть хотел, — объяснил Ахмет, показывая на мужчину.

— Я в чужую?! — возмутился мужчина.

— Та-ак... — остановил их милиционер. — Прошу обоих предъявить документы.

Лена и Ахмет выходят из отделения милиции. Остановились.

— Как так получилось, Ахмет?

— Я шел в магазин, — начал уныло, опустив глаза, Ахмет. — Он попросил меня присмотреть за машиной, пока сходит в магазин за телевизором. Потом вернулся, сказал не хватает. Попросил сто рублей займы. Я дал. Он ушел, и больше я его не видел.

— И все?

— Потом пришел хозяин машины, и я его не пускал. Подошел милиционер и забрал нас обоих.

— Все?

Ахмет кивнул.

— Почему ты решил, что это его машина?

— Он руку положил на машину.

— И только?.. Господи, я не могу... Ахмет. Ты же взрослый человек... Потом. Как ты, вообще, мог дать совершенно незнакомому человеку деньги? — Ахмет отвернулся, смотрит в сторону. Лена дернула его за руку. — Ладно. Пошли. За тобой надо присматривать, как за маленьким.

В спальне, укладываясь спать, Лена говорит Ахмету:

— У Таньки стиральная машина сломалась. Ты не мог бы посмотреть?

- Могу.
- Завтра после работы зайдешь?
- Хорошо. Пусть дома будет.

После работы Ахмет с сумкой, в которой были инструменты, зашел к Татьяне. Татьяна провела его в пристройку, показала стиральную машину.

- Вот. Не работает что-то.
- Сейчас посмотрим.

Ахмет достал инструменты, принялся осматривать машину. Татьяна немного постояла, затем ушла в дом. Возился Ахмет недолго. Спустя некоторое время, поставил на место боковые стенки, налил в бак воды и включил. Машина заурчала. На звук вышла Татьяна.

- Все в порядке?
- Да. Может работать.
- Быстро ты.
- Неисправность была небольшая. Провод отломился.
- Спасибо. Мои руки, будем ужинать.
- Я домой пойду.
- Нет, так не годится. Ленка потом спросит: «Что же ты мужика моего не покормила?» А я что отвечу?.. Так что не ставь меня в дурацкое положение.

Ахмету ничего не оставалось, как помыть руки и идти на кухню. Там уже все было готово. На столе тарелки с аппетитной едой и бутылка вина посередине.

- А вино зачем? — удивился Ахмет.
- Ну, как... Положено.
- Давай просто поедим.
- Садись, садись, — усадила Татьяна Ахмета. Пододвинула ему тарелку. — Ешь.

Ахмет принялся за еду. Татьяна тоже села за стол.

- Ты совсем, что ли, не пьешь?
- Пью. Иногда. По праздникам, когда встреча какая-то, или в гостях.
- Прекрасно. Это как раз тот случай. Ты пришел к

молодой, симпатичной даме. Тут тебе и встреча и гости... Или ты не считаешь меня симпатичной?

- Почему. Ты очень симпатичная.

— Ну вот. Молодая, симпатичная приготовила все для приятного вечера, а ты отказываешься. Даже обидно как-то. — Пауза. Ахмет в затруднении. — Шучу, шучу, конечно. Мы молодые, незамужние любим пошутить... Если есть с кем. У тебя, случаем, нет приятеля подходящего? Познакомил бы.

— Там, где я раньше жил, были. А здесь я мало кого знаю. На базе у нас есть, но ты не захочешь. Пьют почти каждый день.

— Нет, этого добра не надо. Упаси боже. Уж лучше с коровой.

- Почему с коровой? — Ахмет замер, перестал есть.

— Можно и с крокодилом, — рассмеялась Татьяна. — Только где ж его взять?.. Ешь, ешь. Не слушай меня, дуру. Мало ли что взбредет одинокой бабе со скуки.

Когда очередной раз вечером Ахмет доил Мануш, он почувствовал слабый удар внутри живота коровы. Это его удивило. Кончив доить, он не ушел с ведром, как обычно, а остался возле Мануш, положив руки на ее живот. Спустя некоторое время он почувствовал явный удар изнутри. Сомнений не было.

— Мануш. Да у тебя же теленок внутри... А я сижу и ничего не знаю... Вот это дела-а...

Предполагаемое увеличение коровьего семейства подняло Ахмету настроение. Все нормально. Жизнь шла своим чередом...

За ужином Лена спросила:

- Чего ты улыбаешься?

— У Мануш теленок будет. Сегодня почувствовал, как он шевелится.

— Чему тут радоваться? Ну, появится он. Что ты с ним делать будешь? На мясо пустишь?

- Почему на мясо? — испугался Ахмет. — Пусть живет.

— Постой... Где живет?.. Ты что, ферму решил у нас устроить?.. Ахмет, спустись на землю... О чем ты думаешь?.. Тут с одной коровой не знаешь, что делать. А если их будет две?.. Или, того хуже, бычок родится. Что с бычком делать будешь? Держать быка во дворе?

— Я не знаю... Может кому-то отдам... В хорошие руки.

— В какие хорошие руки?.. Это что, котенок?.. Детство кончилось, Ахмет... Давно... Давно кончилось.

Ахмет застыл, опустив глаза.

— Я убить его не смогу, — глухо произнес он.

— В таких случаях кого-нибудь приглашают.

— Я не хочу никого приглашать.

— И что ты будешь делать?

— Не знаю.

— Ты о своей корове только думаешь. А обо мне?..

Может, у меня будет ребенок. Ты об этом думал?

— У тебя?.. Тоже?

— Что значит тоже?.. Ты, хоть когда-то, думаешь, что говоришь? Ты же только что поставил меня на одну доску с коровой. Одна корова собирается рожать и другая тоже. Так что ли?

— Извини. Я не хотел обидеть... Для меня это так неожиданно... Это что, правда?.. Неужели у нас будет ребенок?

— А почему он у нас не может быть?

— Я не знаю... Просто не думал, что так быстро. — Он встал, заходил по кухне. Волнение распирало его. — Ребенок... Ребенок... — Улыбаясь своим мыслям, он хлопнул и сжал крепко руки. — Когда это будет? — повернулся к Лене. — Приготовиться надо. Купить разные вещи...

— Не торопись. Я тебе еще ничего не сказала. Я просто хочу, чтобы ты задумался. Чтоб не витал в облаках...

Пауза.

— Ты обманула меня?.. Зачем ты это сделала?

— Погоди, погоди. Я тебя ни в чем не обманывала. Я только хочу, чтобы ты задумался о такой возможности у нас.

— А я поверил, — с обидой сказал ей, глядя в глаза, Ахмет и вышел с кухни.

Поздняя осень. Выходной день. Ахмет с Леной вышли прогуляться.

— На ноябрьские четыре дня отдыхаем. У подружки, с работы, брат женится. Приглашает на свадьбу. Это в соседнем поселке, километров тридцать. Поехали, — предложила Лена.

— А Мануш? С ней как? — спросил Ахмет.

— Попросим соседей. Бросят ей сена, нальют воды. Дня три всего-то.

— Сена-то бросят. Но ее же доить надо. Она без этого не может. А кто из знакомых доить умеет? Я думаю, никто.

Помолчали.

— Мы что же, из-за коровы теперь ни на шаг? — недовольно спросила Лена. — А летом? Будет отпуск. У нас же море недалеко. Теперь прощай все?

— Я не знаю. Ее же тоже нельзя бросить... Можно как-то по-другому отдохнуть. Например, взять рюкзаки и пойти куда-нибудь. Я долго шел. Очень хорошие места есть. И речки и озера. Можно останавливаться, где понравится, и жить там какое-то время. Очень хорошо.

— Ну да, — усмехнулась Лена. — Таскайся в отпуске с коровой. Сказать кому — со смеху помрут... Да-а, ты еще забыл, что у тебя теленок будет. С ним-то, что делать будешь? Тоже в поход возьмешь?.. Во картина будет. Обалдеть можно. — Какое-то время шли в тягостном молчании. — Не знаю, Ахмет. Так тоже жить нельзя... Что ты мне ни говори, какая бы она золотая ни была, корова — она все равно только корова. И ничего больше... И стоит ли свою жизнь из-за нее портить — подумай.

В магазине. Лена и Татьяна разговаривают у прилавка.

— Даже не знаю, что делать, — вздохнула Лена. — Надоела мне эта его корова, хуже горькой редьки.

Мало того, что возни с ней столько, мы еще шагу ступить без нее не можем. На ноябрьские пригласили на свадьбу, так не поехали. Корову на три дня оставить не можем. Ее же доить надо. А кто это умеет?.. И в отпуск теперь из-за нее никуда... Связала по рукам и ногам.

— Не пойму я тебя, Ленка. Чего ты ходишь, ноешь? Ты же у себя дома... Ты хозяйка... Если тебе так неважно — скажи... Что тебе... в твоём доме... корова не нужна... Вот и все. А дальше пусть сам думает, куда ее девать.

— Ох, не знаю...

— Все равно ты не сможешь так жить. Будет накапливаться, накапливаться. Только нервы зря будешь трепать.

На кухне вечером. Ахмет сидит ест. Лена у плиты, стоит спиной к Ахмету.

— Я со знакомыми поговорила, — сказала Лена. — Нашлись люди, готовы корову купить. О цене можно договориться.

Ахмет застыл. Повисла тягостная пауза.

— Я Мануш не собираюсь продавать.

Продолжил есть. Лена повернулась к Ахмету.

— Нас двое. Зачем нам корова? Возни столько. По рукам-ногам связывает... Ты пойми... Устала я... Устала.

— Чего ты устала? Я же коровой занимаюсь.

— Надоела она мне! — зло выкрикнула Лена. — Даже в выходные, вместо того, чтобы с женой полежать, чуть свет к корове мчишься. Кормить, доить, видишь ли, ее надо. Никуда съездить не можем. На свадьбу даже не поехали... Мне это все надоело. На-до-е-ло... В общем, решай. Если корова тебе дороже, забирай и — куда хочешь. Мне такой муж не нужен!

Лена бросила на плиту, что держала в руке, и выскочила с кухни. Ахмет еще посидел немного, потом оделся и вышел на улицу.

Спали они в эту ночь порознь. Ахмет ночевал в сарае. Утром Ахмет сходил на работу и быстро вернулся. Стал

собирать свои вещи. Собрал все, отнес в сарай. Запер дверь дома и пошел к Татьяне в магазин.

— Возьми ключ. — Ахмет протянул Татьяне ключ. — Передай Лене.

— А ты? — спросила Татьяна. — Что случилось?

— Ухожу я.

— Куда?

— Не знаю.

(Пауза.)

— Подожди секунду, — попросила Татьяна. — Ушла, вернулась одетая. К прилавку встала другая женщина. — Пошли. — Вместе вышли на улицу. — Поссорились что ли? — Ахмет молча кивнул. — Да-а-а... И куда же ты зимой... с коровой?

Ахмет пожал плечами.

— Сено к Михаилу перетащу. Сам с Мануш попробую у кого-нибудь сарай за деньги снять на зиму.

— А если не найдешь?

— В другое место пойду, буду искать.

(Пауза.)

— Ты вот что. Если хочешь, остановись пока у меня, — предложила Татьяна. — Сарай у меня есть. Дрова там лежат. Их можно вынести, ничего им не сделается. Поживете у меня, а там видно будет...

Лена приходит после работы в пустой дом. Ужинает. Все делает механически. Лицо угрюмое. Чувствуется — в голове тяжелые мысли. После ужина садится, смотрит телевизор. Но взгляд отсутствующий, видно, что за действием на экране не следит, думает о своем. Выключает, ложится спать.

На следующий день Лена приходит с работы и сразу замечает — стога сена нет. Подошла, посмотрела. Пусто. Зашла в дом. Села на кухне, уронила голову на руки...

Надежда возится на кухне. Заходит Лена. Лицо угрюмое. Поздоровались. Лена, не раздеваясь садится на табуретку.

— Случилось что? — спросила Надежда. — С Ахметом поругались?

— Выгнала я его вместе с коровой.

— Господи. Да ты что?! Случилось что-то.

— Устала я от всего. Надоела мне эта его корова до смерти... То он с утра до ночи сено для нее заготавливает. Заготовил — вроде, остыть должен. Нет, он чуть свет доить ее бежит. После работы первым делом к ней. Кормить, поить, дерьмо вычищать. Потом, опять же, — доить. Из-за нее мы от дома ни на шаг. Пригласили на ноябрьские на свадьбу. Тут, недалеко, километров тридцать. Так не поехали. Корову не с кем оставить.

— Боже мой, — всплеснула руками Надежда. — Попросила бы меня, я бы присмотрела. И напоила, и накормила.

— И подоила бы? — усмехнулась Лена... — В том-то и дело. Это не кошка тебе и не собака. Ее доить каждый день надо. А кто у нас умеет?.. Она, как гирия на ногах. Я ему говорю: «А в отпуск летом, как поехать?»... Он такую чушь понес... «Пойдем, — говорит, — пешком. Будем на природе отдыхать.» Представляешь? Туристы с коровой... Да-а, я еще не сказала, теленок у коровы зимой должен появиться. Я его спрашиваю: «Что делать с ним будешь? На мясо отдашь?» Он перепугался: «Нет. Пусть живет»... «Где живет? — спрашиваю. — Молочную ферму, что ли, откроем? А если бык? Тоже пусть во дворе живет?»... Ну вот скажи, разве я не права?

— А он что говорит?

— Что он может говорить? — с презрением сказала Лена. — Лепечет, как младенец... «В хорошие руки отдам»... Как будто это котенок... В детстве раздавал своих котят, думает, что и телят так же будет раздавать хорошим людям, которые будут любить их и ласкать... Я давно говорила ему: «Давай продадим корову. Зачем она нам? Зачем вся эта возня?»... Нет. Не хочет... Я уже и людей

нашла, которые готовы ее взять. Нет, уперся: «Не продам и все...» В общем, я поставила ребром: — если корова тебе дороже, забирай и... — Лена махнула рукой, отвернулась.

— Да-а. Дела-а. — Протянула Надежда.

— Был бы он нормальный взрослый мужик, реально смотрел бы на вещи. — Продолжила после некоторой паузы Лена. — А он — не пойми что. То ли дурак, то ли из детских штанишек не вырос? Веришь — нет, он однажды на полном серьезе рассказывал, что, сидя в милицейской камере, познакомился... С кем бы ты думала? С родственником Английской королевы!.. Ей богу, не вру... Этот родственник показывал Ахмету, как он, чуть не каждый день, звонит королеве, которую, по-родственному, называл Лизой... И мой дурачок ему верил... Да вот уже... когда мы вместе жили... Пошел он один раз в магазин. По дороге его встречает какой-то мужик и просит у него сто рублей взаймы — не хватает на телевизор. А чтобы Ахмет не сомневался, этот жулик попросил его покараулить машину, возле которой они стояли, и на которую жулик по-хозяйски положил руку. Ну, Ахмет, конечно дал ему сто рублей. Как не выручить хорошего человека? И потом охранял машину, пока не пришел настоящий хозяин машины и не устроил скандал. После чего мне пришлось забирать Ахмета из милиции... Ну не дурак он после этого?.. Завтра к нему подойдет какой-нибудь проходимец и скажет: «Я Иисус Христос... — или, допустим, — Магомет... Дай мне денег, не хватает на небеса взлететь.»... Он поверит... И даст... Может, последние... У него точно — с головой не все в порядке... — Пауза. Лена, вдруг, закрывает лицо руками, рыдает. — Будь он проклят! Чтoб он сдох!.. Жила я, все мне было до лампочки... Пока этот не свалился на мою голову. Только и думаю: «Потеряла! Потеряла!» Надька помоги! Христом-богом прошу, помоги!

— Чем я тебе помогу? — растерялась Надежда.

Лена открывает заплаканное лицо, вцепляется в Надежду, лихорадочно говорит:

— Помоги его вернуть. Это Танька все, змея подколодная. Она все: «Продайте корову, продайте корову». Теперь он у нее. Пусть Мишка с ним поговорит. Пусть объяснит все. Не хотела я так. Не хотела-а-а. Ой, мамочки, не хотела-а-а... — Ревет, уткнувшись в подругу.

Вечером Михаил пришел с работы. Разговор на кухне.

— Ты знаешь, что Ленка выгнала Ахмета? — спросила Надежда.

— Нет. А что случилось?

— Приходила Ленка. Ревела тут у меня. Жаловалась на Ахмета. Надоела ей корова, шагу из-за нее ступить не могут — оставить не с кем. И потом, теленок должен появиться, а Ахмет и слышать не хочет, чтоб потом его на мясо отдать, как обычно делают. По-детски ко всей этой живности относится, думает, как котенка пристраивать в хорошие руки. В общем, Ленка: «Или продавай корову или вот тебе дверь». Ну, Ахмет и ушел. Вроде, теперь у Таньки обитает... А Ленка ревет. Сначала его проклинает, потом просит помочь вернуть его обратно. Попроси, говорит, Мишку, пусть он поговорит с Ахметом.

— Ничего себе. Она его выгоняет, а Мишка должен идти уговаривать, — недовольно проворчал Михаил. — Здорово придумала.

— Я понимаю, что тебе не с руки этим заниматься. Просто мне Ленку жалко. Ее тоже можно понять. Корова эта ей ни к чему. Только жить мешает. Да еще теленок появится. Ахмет тоже не прав. Нельзя всю жизнь по-детски смотреть на мир. Скотину же не для забавы держат.

— Да, конечно, — согласился Михаил. — Но и его тоже понять можно. Он все потерял. Ни родных, ничего от прошлой жизни. Одна эта корова, с которой он вместе хлебнул лиха. Вот он и держится за нее... А вообще, черт их поймет. Взрослые люди. Кроме них самих никто не разберется и не поможет. Бесполезно.

Ночь. У Татьяны на кухне сидят Ахмет и пожилой мужчина — ветеринар. Выпивают. Входит заспанная, в халате Татьяна, спрашивает:

— Ну что, можно поздравить?

— Да. Телочка, — сообщил ветеринар.

— Все нормально? — поинтересовалась Татьяна.

— Отлично. Она, считай, сама справилась. Мы только чуть-чуть помогли. Хороший, здоровый теленок. Так что, все как надо.

— Что ж, я рада.

— С теленочком, что делать будете?

— Еще не решили.

— Но резать не будем, — твердо сказал, молчавший до того, Ахмет.

— Это приятно слышать, — одобрил ветеринар. — Дело, конечно, житейское, но мне всегда жалко, когда такую красоту губят.

— Хочешь посмотреть теленка? — спросил Татьяну Ахмет.

— Завтра посмотрю. А сейчас спать пойду. Вставать рано.

— Мы тут, с Николаем Макаровичем посидим немного, провожу его и тоже приду спать.

Ахмет идет по улице, подходит к магазину. Из магазина выходит Лена. Встреча неожиданна для обоих. Замерли. Смотрят друг на друга широко открытыми глазами, оба поблдевели... У Лены наворачиваются слезы на глаза. Она закрывает лицо рукой и кидается прочь. Ахмет застыл на месте. Бледный, зубы сжаты, голову опустил, ссутулился. Так и стоял. Затем, глубоко вздохнул и пошел дальше по улице. В магазин он не зашел...

Вечер. Татьяна с Ахметом смотрят телевизор.

— Знакомые дом строят. Ты не мог бы им проводку сделать? — спрашивает Татьяна.

— Могу. Когда им надо?

— Не знаю. Сам поговоришь. Я просто скажу им, что ты согласен. А там уж, ты сам. Сходишь, посмотришь, скажешь, что надо. О дене договоришься... Когда сможешь подойти?

— В субботу, наверное.

Татьяна гладит белье. Возвращается домой Ахмет, не раздеваясь проходит в комнату.

— Мне сказали, что деньги за работу ты взяла.

— Да. Она в магазин к нам зашла купить кое-что. Заодно деньги за работу принесла. Я их пока убрала. Если тебе надо — можешь забрать.

— Не надо. Пускай лежат.

Ахмет вышел, разделся, пошел на кухню.

— Ужин на плите, — крикнула ему из комнаты Татьяна.

Закончив гладить, Татьяна пришла на кухню.

— У нас в магазине, хозяин хочет витрину переоформить. Гирляндами украсить, подсветку сделать. Я сказала, что ты электрик, соображаешь в этом деле. Сможешь сделать?

— Не знаю. Посмотреть надо. Узнать, что он хочет.

— Так я скажу, что ты подойдешь?

— Скажи.

— После работы сможешь подойти?

— Подойду.

— Если все хорошо получится, можно будет еще в одном магазине подработать. Там у меня продавщица знакомая. Говорила — тоже собираются украшать витрину и подсветку на вывеске делать.

Михаил ужинает после работы, рассказывает жене:

— Татьяна Ахмету халтуру находит. Деньги за работу забирает сама. Объясняет, что Ахмет алкоголик, может сорваться, если получит деньги.

— Да-а. Татьяна своего не упустит... А Ахмет что?

— Ничего. Я его осторожно спросил. Он махнул рукой: «Пусть забирает. На улице посреди зимы не гонит — и на том спасибо»...

Весна. Распустились деревья, зазеленела трава. Ахмет пришел на берег озера, где летом останавливался и даже собирался рыть землянку. Постоял, посмотрел вокруг. Присел, пощупал молодую травку. Задумался о чем-то своем.

Ночь. На кровати Ахмет и Татьяна. Татьяна спит. Ахмет осторожно снимает с себя одеяло, встает с кровати. Берет свою одежду, обувь и на цыпочках выходит из комнаты. На кухне он попил воды, оделся, написал записку:

Таня.

Не обижайся на меня. Я уйду.

Ахмет.

Оставил записку на столе, сверху положил ключ от дома. Подошел к спальне, бросил прощальный взгляд на спящую Татьяну, прикрыл дверь и осторожно пошел к выходу. Пришел в сарай, где обитали корова с теленком, включил свет. Достал приготовленный рюкзак, ведро, отвязал корову.

— Ну что, Мануш, пошли?

Рассвет застал в пути неторопливо идущую тройцу: Ахмет с рюкзаком за спиной, ведром в руке, за ним на поводу Мануш и, немного сбоку, теленок...

Содержание

ПРОЛОГ. Страна чудес 5

КНИГА ПЕРВАЯ. Дети коровы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Лох 11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Молочные братья 100

КНИГА ВТОРАЯ. Сукины дети

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Однополчанин 169

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Тьмутараканский водопровод 214

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Подпольный мэр 250

Литературно — художественное издание

Нариманов Валерий Хакимович

ЧУДАКИ

www.tmutarakansk.ru

Обложка, иллюстрации, оформление, вёрстка:
Марат Нариманов

По всем вопросам, в том числе издания и
закупки книг обращайтесь:

«НАРИпринт»

8 (903) 103-4891

mnarimanov@mail.ru

www.nariprint.ru

Контактное лицо: Марат Нариманов

Подписано в печать 23.06.2010.

Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 1000 экз.

Заказ №2756

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
www.oaompk.ru тел. 8-495-745-8428 8-49638-24-310

ISBN 978-5-9902074-1-7

9 785990 207417